

Вячеслав
Александрович

25 лет издательскому дому
ГОРОДЕЦ

Mystic&Fiction. Ветер мечты

Ванда Алхимова

Долина дракона

ИД «Городец»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Алхимова В.

Долина дракона / В. Алхимова — ИД «Городец»,
2021 — (Mystic&Fiction. Ветер мечты)

ISBN 978-5-907358-40-9

Продолжение романа «Семь горных воронов». Братья-вороны разделены войной, смогут ли они снова собраться вместе под крылом своей матери-чародейки? Красный и Дикий Вороны все ближе к трону, но они забыли, что часто гонку проигрывают уже на самом финише. Армия Озерного королевства может решить судьбу всех пяти стран, а Серые горы готовы прибегнуть к помощи тайных и страшных сил. Меч против магии, коварство против героизма, кровные узы против побратимства. Когда на кон поставлена судьба семьи, приходится жертвовать личными интересами, даже если ты – новый Хозяин гор. Смерть или победа – третьего не дано.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-907358-40-9

© Алхимова В., 2021
© ИД «Городец», 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	38
Глава 7	41
Глава 8	44
Глава 9	47
Глава 10	55
Глава 11	58
Глава 12	62
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Ванда Алхимова

Долина дракона

© Ванда Алхимова, 2021

© ИД «Городец», 2021

Глава 1

Прямые серые струи обтекали черепицу дворцовых крыш. Лорна знала: это может продолжаться сутки, двое, трое... Кругом сплошная вода бесконечные долгие озера, широкие реки, дождь с неба. Даже сама земля здесь казалась осклизлой от переизбытка влаги – ступишь, и в следе проступает мутная жижа.

Лорна смотрела в окно и думала о том, как ненавидит дождь. И вообще воду. Ненависть – вот что разъедало ее изнутри. Ненависть к Озерному королевству, к Роду Осторожному, к его приземистому некрасивому дворцу из серого камня и ко всем обитателям дворца.

В дверь постучали. Лорна вздрогнула и отошла от окна. В комнату церемонно вступил дворецкий в серо-лиловой котте. Цвета Озерных Лилий. Королевские цвета.

«Цвета предательства», – подумала Лорна.

– Его Высочество нуждается в услугах вашего брата, – надменно возвестил дворецкий.

– Мой брат еще вчера уехал с разрешения лорда-распорядителя в город, за травами, – отозвалась Лорна, глядя на свои туфли.

Дворецкий растерянно замолчал.

– Его Высочеству очень плохо, – наконец сказал он. – Вы можете ему помочь? Хотя чем-то? Все-таки сестра лекаря. Неужели брат вас ничему не обучил?

Лорна все смотрела на свои туфли. Уродливые, из белой некрашеной свиной кожи. Грубые и грязные. Ненависть мешала дышать.

– Хорошо, – нежным голосом ответила она. – Что с Его Высочеством?

– У него слабость, тошнота и кашель.

– Но им занимается королевский лекарь, мессир Ланс, – подняла глаза Лорна. – Почему вы не позовете его?

– Его Высочество полагает, что мессир Ланс ему не поможет. До него дошли слухи об искусстве вашего брата, мессира Вайта. Он хочет, чтобы его осмотрел ваш брат. Но раз его нет...

– Сейчас.

Лорна ушла в другую комнату. Белый Ворон хранил здесь свои лекарственные смеси и настойки. Она взяла сухие пучки мелиссы и еще нескольких трав, настойку от кашля и сонные капли. Если принц Нильс не может спать из-за кашля, капли дадут ему долгожданный отдых.

Лорна шла за дворецким, с любопытством глядя по сторонам. Богатства и порядка при дворе Рода Озерного было куда меньше, чем у Эннобара. Роскошными нарядами могли похвастаться только сам король и его ближайший круг. Придворные дамы одевались безвкусно, волосы прятали под тканевыми головными уборами. Лица не отличались здоровьем, зубы почти у всех были плохими.

Лорна, впервые за четыре месяца жизни во дворце, вступила на королевскую половину. Много факелов потому что мало света из узких окон, затянутых слюдой. Толчея – этикет тут соблюдался крайне неохотно. Но хуже всего был запах – несвежей еды, псины и немытых тел. Лорна сглотнула подкатывающую к горлу тошноту.

Дворецкий провел ее по темным коридорам – навстречу то и дело попадались дамы, вельможи, священнослужители и стражники в посеребренных доспехах. У широких дверей, украшенных узорами из переплетенных лилий, замерли двое часовых. Дворецкий миновал их, не удостоив даже взглядом, а Лорна прошла за ним.

В покоях принца Нильса было сумрачно, душно, влажно. Пахло дымом и сырым бельем. Лорна едва подавила желание не убежать. Послышался глухой кашель – с хрипами, одышкой, затяжной, безнадежный.

– Ваше Высочество, я привел вам сестру мессира Вайта, – поклонился постели дворецкий. – Она может помочь вам, пока сам мессир Вайт отсутствует.

– Да, да, спасибо, – услышала Лорна слабый мелодичный голос. Слишком высокий и нежный для мужчины. – Позовите ее.

Лорна, глубоко вдохнув, подошла к постели. Принц Нильс лежал среди пуховых подушек. На вид ему было лет семнадцать. Узкое лицо с серой нездоровой кожей, высокий лоб, жидкие русые волосы, заостренный нос, синяки под глазами, длинная шея, костлявые тонкие руки.

Чтобы отвлечься от этого жалкого зрелища, Лорна взглянула принцу в глаза. Они оказались светло-голубыми, добрыми. В них тенью пряталась трогательная доверчивость, словно принц невольно ждал ото всех вокруг какого-то ласкового слова или приятного сюрприза.

– Простите, – застенчиво обратился к Лорне принц, вжимаясь в подушки. – Я не думал, что вы столь молоды... – Ничего, – коротко ответила Лорна, опуская ресницы. – Я помогаю брату. Вас беспокоит кашель?

– Кашель особенно, – пробормотал принц, худой рукой запахивая ворот белоснежной ночной рубашки. Простыл на днях. Которую ночь не могу уснуть. Даже грудь болит. Мессир Ланс давал мне жевать корешки, но лучше не становится. Я подумал, может быть, ваш брат сумеет мне помочь. Про него столько рассказывают...

– Брат в городе. Но я могу вам дать лекарства.

– Буду рад принять вашу помощь.

Лорна подняла глаза – принц Нильс неуверенно ей улыбался. В голубых прозрачных глазах сияла все та же трогательная доверчивость.

– Вот, – Лорна показала мелиссу и капли. Не только принцу, но всем тем, кто наблюдал за ней – сиделкам, слугам, пажам, лекарям. – Это мелисса. Ее следует заварить в кипятке и пить. Много и часто.

– С сахаром? – с надеждой в голосе спросил принц. Лорна прикусила губу. Он выглядел таким... беззащитным.

– Можно с сахаром, – разрешила она, и принц робко улыбнулся в ответ. – А это капли. Они помогут уснуть. Десять капель на одну ложку воды. Вы сможете отдохнуть.

– Это было бы чудесно, – прикрыл глаза принц Нильс.

Лоб его покрылся испариной. Лорна чувствовала на себе его взгляд из-под ресниц.

– Я скажу брату, чтобы пришел к вам сразу же, как вернется, – Лорна присела в самом изящном поклоне, на какой была способна.

– Спасибо, – прошептал принц. – Вы так добры...

– Я могу удалиться? – Лорна склонила голову еще ниже, так, что на спине обозначились острые лопатки.

– Да, да, если вы того желаете, – поспешил ответить принц.

Только выйдя из покоев, Лорна смогла наконец вдохнуть полной грудью. Про себя она подумала, что лучшая помощь тут – выгнать всех из комнат, проветрить помещение и как следует его протопить.

Вернувшись к себе, Лорна взялась хлопотать вокруг камина. С кухни она принесла хлеб, суп в котелке, репу, морковь и сырую рыбу. Лорна понимала, что Белый вернется поздно ночью и если что и сможет поесть, то только приготовленный ею ужин, – на кухне от обеда для прислуги уже ничего не останется.

Лорна сама не ожидала, что готовить окажется так просто и даже приятно, если представлять себе довольное лицо Белого и его улыбку.

Она уже успела всей душой привязаться к нему и уже привыкла в мыслях называть его «муж». Произносить это слово вслух слух Лорна стеснялась, и сам Белый ни разу не назвал

ее женой. Это будило в сердце Лорны тревогу. Она понимала, что их самовольная помолвка имеет значение лишь для них двоих, и ее необходимо узаконить.

Возясь с ужином, Лорна порядком устала и прилегла на постель. Одинокое потрескивала свеча на столе. За дверью слышались шаги. Девушка приподнялась на локте: дверь бесшумно приоткрылась, и в комнату вошел Белый Ворон.

С его шляпы и плаща капало, очки покрылись мелкими капельками воды. Белый отставил в сторону посох и аккуратно положил на скамью свою тяжелую сумку.

– Давай помогу, – Лорна соскочила с постели и подбежала к нему.

– Ты не спишь? – одновременно обрадовался и огорчился Белый. – Не стоило меня дожидаться.

– Стоило, – возразила Лорна, принимая его тяжелый мокрый плащ. – Должна же я услышать, как ты хвалишь ужин, который я тебе приготовила.

Белый ласково принимал ее заботу. Лорна развесила его плащ у огня, помогла снять сапоги, устроила их сушиться, подала полотенце, накрыла на стол и положила в тарелку еду.

– Суп вкусный, – похвалил Белый.

Он был очень голоден, но сдерживался, ел аккуратно.

– Суп с дворцовой кухни, – фыркнула Лорна. – Говядина, фасоль и лук. Я сварила рыбу с овощами.

Белый доел суп, и Лорна положила ему рыбы. Откинувшись на стуле, наблюдая, как он ест. Лорну завораживали пальцы Белого – она знала, какие они теплые, чуткие, ласковые.

– Сегодня день моего рождения, – сказала она. Я вступила в брачный возраст.

Белый перестал жевать и поднял глаза от тарелки.

– Я не... Ты не говорила, – запнулся он.

– Как-то сама забыла, – пожала плечами Лорна. А сегодня, когда готовила тебе ужин, вдруг вспомнила. Брачный возраст.

Белый положил вилку на стол и устался на скатерть. – Мы обручены, – задумчиво сказал он. – Но это нельзя считать официальным браком.

– Значит, нам надо заключить официальный брак.

Белый снова посмотрел на нее – виноватые глаза за розовым стеклом очков. Ссутулился, зашарил руками по столешнице.

– Но все думают, что мы брат и сестра. А главное, брак придется заключать под вымышленными именами. Не уверен, что такой брак будет законным.

– Для меня – будет, – раздула ноздри Лорна.

Робость Белого ее злила. Ворон потер лоб рукой, прикрыл глаза на несколько мгновений.

– Как рыба?

– Рыба? – Белый открыл глаза. – Лучшее, что я ел в своей жизни.

Лорна слезла со стула, обошла стол и оказалась рядом с ним. Стоя обняла Ворона, пристроила голову на крепком плече.

– Я хочу быть твоей женой, – сглотнула она слезы.

– Ты и так моя жена, – погладил ее по руке Белый. Навсегда.

– Я хочу быть совсем, – капризно сказала Лорна.

– Хорошо, – снова погладил ее руку Белый. – Мы обвенчаемся тайно. Как только я найду священнослужителя и смогу оплатить его молчание.

Лорна засмеялась и звонко поцеловала его в щеку.

– Ешь, а то остынет.

Она снова устроилась на стуле.

– Забыла сказать, сегодня тебя вызывали к принцу Нильсу. У него сильный кашель. Он не доверяет мессире Лансу и просил прислать тебя.

– Да? – удивился Белый. – Что ж, утром схожу его посмотреть. Я так устал...

Лорна убрала со стола, вымыла тарелки и подошла к кровати Белого. Тот уснул поверх одеяла прямо в одежде, сунув руку под подушку и прижавшись к ней щекой. Длинные волосы растрепались и закрыли часть лица. Очки лежали на прикроватной тумбочке. Лорна вздохнула, накрыла Ворона покрывалом со своей постели и села к столу – вышивать при свечах.

Глава 2

Ослепительное солнце сияло на небе, и снежная белизна больно била по глазам. Полу-денные тени казались густо-черными. Воздух едва не звенел от мороза, и ветви заиндеветших деревьев тоже.

Дикий Ворон шурился, всматриваясь в глубь вековых елей и залитых солнцем полян. Склон, спускающийся от Твердыни Воронов, был виден как на ладони, а исполинскую фигуру Ройле заметил бы и слепой.

Дикий начал спускаться, ловко переступая ногами, обутыми в цельномеховые сапоги с мягкими подошвами. Снег громко скрипел, облачка пара поднимались от ноздрей.

Ройле обернулся на шум. Он стоял на солнце, прижимая к себе закутанную в меха Диорвел. Поверх капюшона головку малышки обматывал пуховый шарф. В этом коконе из меха и шерсти с трудом можно было опознать ребенка. Особенно потому, что по сравнению с гигантом Ройле девочка выглядела совсем игрушечной.

– Что за затея таскать малую по горам в такой холод? – спросил Дикий, в своей обычной манере пропуская такую чепуху, как приветствие. – Отнеси ее нянькам, не дело это для воина – с детьми возиться.

– Я не воин, а лесоруб, и возиться с ней мне нравится, – пожал плечами Ройле. – Маленькие все забавные. Про холод ты прав, но госпожа велела показать ее горам при солнце. Что мне оставалось?

Дикий вместо ответа поморщился и закатил глаза. Его густая разросшаяся щетина серебрилась от инея.

– Наша матушка начала сдавать и не замечает очевидного, – заявил он. – В этой девчонке моря больше, чем гор. Зря матушка надеется на то, чего не будет.

– Ты-то откуда знаешь? – нахмурился Ройле. – Горная госпожа – леди Ворон. Нечего рассуждать, как будто ты хозяин гор.

– С недавних пор я знаю слишком много, – проворчал Дикий. – Но я хотел с тобой потолковать о другом.

Ройле поудобней устроил Диорвел на руках – теперь ее голубые глазки доверчиво смотрели в бездонную синеву небес.

– Ты бы попробовал убедить госпожу навестить свою родню по отцу, – сказал Дикий. – Она давненько не гостила в замке Оленей.

– Зачем? – в упор спросил Ройле.

Дикий усмехнулся в усы. После возвращения с войны и битвы в ущелье они с Ройле заужавали друг друга. Дикому нравился великан-лесоруб, он его понимал. Ройле в свою очередь чувствовал в Диком настоящего хозяина, способного владеть горами и людьми.

– Хочу кое-что подновить в Твердыне, – ответил Дикий. – Но не хотелось бы, чтобы матушка стояла над душой. Поэтому нужно спровадить ее отсюда до весны.

– Ей вряд ли понравится эта затея, – пожевал губы Ройле. – Почему ты не хочешь говорить госпоже, что хочешь что-то подновить?

– Послушай...

Дикий подошел к Ройле почти вплотную. Лесоруб возвышался над ним на целую голову.

– Все меняется, – серьезно сказал Дикий. – Но госпожа не видит этого. Потому что не хочет. А я вижу. Война, Ройле, только началась.

Ройле ничего не ответил. Он посмотрел в лицо Диорвел – та уже уснула.

– Надо нести ее домой, пока не замерзла.

– Так ты уговоришь матушку? – без обиняков спросил Дикий.

– Мне не нравится эта затея, – подумав, ответил Ройле.

– А мне не нравится, что ты спишь с моей матерью, оскалился Дикий. – И даже не знаю, почему больше: потому, что она моя мать, потому, что ты младше ее на полжизни, или потому, что ты – лесоруб, а она – хозяйка Серых гор.

Ройле кровь бросилась в лицо. Но Дикий смотрел на него в упор.

– Если ты думаешь, что все кругом дураки, то глубоко заблуждаешься, – добавил Дикий. – Как бы госпожу ни боялись, слухи ползут. Шила в мешке не утаишь. Такое дело, мой милый Ройле! Ты мне нравишься, но у нас с матушкой дела семейные, и тебе тут точно вступать не стоит. Просто подай ей такую мысль – недурно бы было навестить замок Оленей. Ладно, пошли домой, а то наша будущая горная госпожа превратится в сосульку.

Вернувшись в замок, Ройле отдал Диорвел нянькам, терпеливо дождался, пока те сменят ей пеленки, накормят и успокоят, и отнес ребенка в покои леди Ворон. Та сидела в глубоком кресле возле камина, устроив ноги на обитой мягкими подушечками скамейке, и смотрела в огонь. – Она замерзла, – Ройле осторожно положил малышку на руки госпоже. – Снаружи ветер дух выбивает.

– Сегодня ясный день, – покосилась на него леди.

– Вокруг Твердыни всегда ветер, – пожал плечами Ройле. – Здесь куда холодней, чем в долинах.

– Ты не злишься, что я прошу тебя гулять с ней?

– Нет. Она похожа на твоих сыновей.

Ройле смотрел на Диорвел, склонив голову к плечу. Лицо его было ласковым, взгляд – теплым. Леди Ворон прикусила нижнюю губу. Все было ясно без слов: Ройле видел в Диорвел их общего ребенка, которого никогда не будет. Хозяйка Твердыни почувствовала, как в груди что-то царапнуло.

– Позови няньку, – велела она. – Мне надо обдумать кое-что.

* * *

Дикий распорядился, чтобы еду ему принесли в Большой зал. В последнее время он привык есть там – либо в компании своих фениев, либо если опаздывал к общей трапезе, то в одиночестве.

Огромный зал смотрелся мрачно – сумрак по углам, сквозняки, высоченный потолок, теряющийся во тьме. Дикий плюхнулся на скамью и потянулся в ожидании, пока явятся слуги. Тут он краем уха уловил едва слышный всхлип. Тоненький, дрожащий.

Ворон пригнулся, всматриваясь в темный угол – там кто-то был. Кто-то маленький и беспомощный. Кто-то испуганный, жалкий, одинокий.

– Эй, ты что там делаешь? – нахмурился Дикий. – А ну, иди сюда!

– Я боюсь, – прорыдали из потемок.

– Меня? – поднял бровь Дикий.

Ответом ему был новый всхлип. Ворон выругался про себя, встал со скамьи, прихватив со стола подсвечник, и посветил в угол. Там, прижавшись к холодной стене из серого камня, плакала Финела, младшая дочь покойного короля Эннобара, круглая сирота, имевшая все права на престол Таумрата. По бледным щекам размазались слезы вперемешку с грязью, мокрые ресницы слиплись, нос распух.

– Меня боишься? – уточнил Дикий.

Финела помотала головой, вздрагивая всем своим маленьким тельцем.

– А кого?

Финела вытянула руку и ткнула грязным пальцем куда-то за спину Дикому. Тот обернулся и увидел серого волкодава, своего любимца. Пес исподлобья смотрел на девочку. – Ах, вон что, – усмехнулся Дикий.

Он нагнулся, подхватил малышку на руки, вернулся с ней за стол. И присвистнул. Финела прижалась к Ворону, застучав зубами от страха. Волкодав приблизился тяжелой походкой и не торопясь обнюхал ребенка.

– Тихо, Серый, нельзя, свои, – твердо сказал Дикий.

Серый снова втянул воздух и завилял пушистым хвостом.

– Долго ты сидела в углу? – спросил у Финелы Ворон.

Та кивнула, все еще косясь на собаку:

– Я пряталась от леди Маргарет. И тут пришел он. Мне было так страшно...

– Собак бояться нельзя, они чувствуют твой страх, – строго заметил Дикий. – Запомни, собаки служат людям. Люди – хозяева. Нельзя бояться тех, кто тебе служит. Пока ее не натравили, собака не нападет, если, конечно, она не сторожит хозяйский дом, а ты не пришла туда незваной. Поняла?

– Да, – покорно ответила Финела.

– Смотри.

Дикий стянул с себя куртку, закутал девочку и усадил на скамью. Затем встал, широко расставив ноги, напротив пса и поманил его рукой. Серый прыгнул хозяину на грудь, счастливо скалясь и извиваясь всем телом. Дикий схватил пса за передние лапы и приподнял. Серый попытался вырваться, гавкнул, но Дикий не отпускал его. Тогда волкодав принялся шутливо кусать Ворона за руки, притворно рыча и перебирая задними лапами, чтобы удержать равновесие. Дикий скалился в ответ и хохотал. Финела смотрела, как сильный мужчина борется с огромной собакой, и тоже неуверенно улыбалась.

Дикий отпустил пса и приказал:

– А ну, Серый, умри!

Тот немедленно упал на пол и замер.

– Умер, – объявил Дикий.

Он присел на корточки и приподнял хвост Серого. Пес даже ухом не шевельнул. Дикий отпустил хвост, и тот безвольно опустился на пол. Финела засмеялась, хлопая в ладоши. Тут вошли двое слуг с подносами, полными еды, и подсвечниками.

Дикий уселся на скамью, взял с блюда огромную мясную кость, коротко свистнул и подбросил ее в воздух. Серый мгновенно «ожил» и с волчьей быстротой бросился на угощение. Клацнули клыки, и пес улегся грызть свою добычу. Зал огласили довольное урчание и смачный хруст.

– Ожил, – подмигнул девочке Дикий. – Есть хочешь?

Финела кивнула. Дикий подвинул блюда к краю стола, усадил девочку себе на колено, и оба они принялись расправляться с жареным мясом, обдирая его с костей руками. Финела набросилась на еду так, что за ушами трещало. – Люблю мясо. Жалко, что я не могу его есть, сколько хочется.

– Это почему же? – спросил Дикий.

– Няньки меня кормят кашей, – мрачно ответила Финела. – Противной и липкой.

– Обещаю, с нынешнего дня тебе будут давать мяса, сколько в тебя влезет, – посулил Дикий. – Ты же королева Таумрата. А королева должна делать лишь то, что хочет. – Королева? – подняла на него глаза Финела.

Губы ее блестели от жира. Глаза тоже поблескивали, отражая свет свечей.

– Да, ты – единственная полноправная королева Таумрата, дочь Эннобара и королевы Блейр.

Глаза девочки наполнились слезами.

– Я хочу к маме, – дрогнувшим голосом сказала она.

– К маме... – задумчиво протянул Дикий. – Знаешь, когда я был таким же маленьким, как ты, я тоже очень хотел к маме... – Дикий замолчал. В тишине было слышно, как хрустит

костью Серый. – Но маме было не до меня, – сухо продолжил он. – Я плакал только один раз, потом больше никогда. И, как видишь, ничего страшного со мной не случилось даже без мамы. Тебе тоже не следует плакать – это ничего не изменит.

– Хорошо, – Финела постаралась сдержать слезы и принять суровый вид. – Я не буду плакать.

– И бояться тебе тоже не следует, ты же королева, – наклонился к ней Дикий. – Даже если очень страшно – не бойся. Тот, у кого в руках власть, не должен ничего бояться.

– Не буду, – гордо ответила Финела и вдруг бросила свою кость в Серого.

Пес клался зубами, хватая подачку, и девочка рассмеялась.

– Если наелась, могу взять тебя с собой в горы, предложил Дикий. – Хочу проехаться на коне до деревни и обратно. Хочешь со мной?

– Возьми меня, я не буду бояться! – взмолилась Финела.

Дикий позвал слуг и распорядился, чтобы девочку одели для верховой прогулки, а ему привели оседланного жеребца – серую, как горные туманы, злобную тварь, которую ненавидели и боялись все конюхи.

Коня привели, и Дикий запрыгнул в седло. Жеребец осел на задние ноги, всхрапнул и затанцевал. Тут как раз вынесли закутанную в меха Финелу. Девочка широко раскрытыми глазами смотрела, как Дикий пытается удержать вертящегося коня.

– Ну? – крикнул он Финеле. – Королева готова к прогулке? Или королева испугалась? Решай скорее, а то Сумрак разнесет здесь все.

– Нет, я не боюсь, – трясясь от страха, пискнула Финела.

Когда ее передавали Дикому в седло, она зажмурилась и прикусила щеку изнутри, чтобы не закричать. Дикий устроил ее перед собой, плотно обхватил рукой, затянутой в меховую рукавицу.

– Ну, тронулись! – крикнул он и выслал Сумрака с места в галоп.

Жеребец взвизгнул и рванул, словно за ним гналась стая волков. Серым вихрем пронесся по замковому мосту, гулко стуча коваными копытами по обмерзшим доскам. Финела сидела, застыв от ужаса, не в силах открыть глаза.

Конь несся ровным стелющимся галопом, ветер свистел в ушах, Финела упиралась спиной в живот Дикого и чувствовала на себе его сильную руку. Наконец она решилась открыть глаза. И опьянела от скорости и свободы.

Вокруг торжественно раскинулись зимние горы. Угрюмые пики поднимались до самого горизонта, скрытые вековыми снегами, неприступные, поражающие воображение. Лес вокруг застыл, скованный колдовством зимы. Финела вдохнула полной грудью и завизжала от восторга. – Нравится? – крикнул ей на ухо Дикий.

– Да! – завопила девочка. – Быстрее!

Дикий дал жеребцу шенкелей, и тот рванулся вперед, взметая копытами снег. Хозяин направил его вверх по горной дороге. Конь пошел медленнее. Пришлось обогнуть немало сугробов и преодолеть множество непростых поворотов пока наконец они не оказались наверху – там, откуда открывался вид на ущелье и распаивающуюся за ним долину.

Дикий остановил жеребца и указал вперед.

– Там – Таумрат, – сказал он Финеле. – Твое королевство. Когда мы выгоним оттуда Бреса, ты сядешь на трон, и я первым преклоню перед тобой колени, королева Финела.

– Таумрат, – повторила Финела, вглядываясь вдаль. – Там мои папа и мама.

– Твой отец мертв, твоя мать тоже, – сурово сказал Дикий, заглядывая ей в лицо. – Их убил Брес Лугайдийский.

Глаза Финелы наполнились слезами, пухлые розовые губы задрожали.

– Он убил бы и тебя, – безжалостно продолжал Дикий. – Всегда помни об этом: тебя спасли Серые горы, они заслонили тебя от Бреса. Запомни это. И имя Бреса – убийцы твоих родителей. В один прекрасный день его голова будет лежать у твоих ног.

– Убей его, – девочка стиснула кулачки. – Убей Бреса.

– Как скажешь, королева, – склонил голову Дикий.

В замок они вернулись затемно. Дикий передал Финелу нянькам.

– А если я еще захочу покататься на коне? – обернулась она к нему.

– Всегда к твоим услугам, – усмехнулся Дикий и поклонился.

Пол слегка задрожал от тяжелой поступи. Дикий обернулся, одновременно протягивая фению свои огромные меховые рукавицы.

– Госпожа звала тебя, – сказал Ройле.

– Иду, – кивнул Дикий.

В покоях леди Ворон было жарко натоплено, но сквозняки делали свое дело. Хозяйка Твердыни велела задрапировать стены и потолок толстыми гобеленами, пол застелить досками и коврами, но тепло сохранялось только рядом с большим камином, где пылали дрова.

– Что за блажь пришла тебе в голову? – резко спросила леди, когда сын почтительно остановился перед ее креслом. – С чего ты взялся звать Финелу королевой?

– Она и есть королева, – взглянул матери в лицо Дикий, и губы его тронула жесткая усмешка. – Единственная законная дочь короля Эннобара, наследница престола. Как же еще ее звать?

– Ты забыл, что твой брат, Красный Ворон, женат на старшей дочери Эннобара, Роне?

– Если верить его словам, матушка, то Рона умерла родами и теперь мой брат вдовец, – улыбка расплылась в волчий оскал. – И Рона никогда не являлась наследницей, она была обещана сыну Рода Озерного.

– Война все изменила, – леди стиснула подлокотники кресла. – И с каких это пор ты стал разбираться в престолонаследовании?

– С тех пор, как на моих глазах король подписал договор о браке между одним из Воронов и своей дочерью от второй жены, назвав эту дочь наследницей Таумрата, вкрадчиво произнес Дикий. – Мы были там, матушка, семь братьев, ты и сам Эннобар. Я бы мог, конечно, призвать в свидетели его, но, боюсь, мертвецы не отвечают на вопросы живых. Да и непросто будет выкопать его из той грязи, где его похоронил Брес. Зима, все замерзло.

Миледи гневно раздула ноздри и стиснула зубы.

– В таком случае ты должен помнить, что ту дочь Эннобара звали Лорна, а не Финела, – прошипела она.

– Лорна там же, где ее отец и мать, – пожал плечами Дикий. – Финела – последняя и единственная дочь Эннобара.

– Никто не видел Лорну мертвой, – отрезала леди Ворон.

Дикий насмешливо поднял бровь и улыбнулся, глядя ей в глаза:

– Матушка, неужели ты думаешь, что беспомощная девчонка могла выжить в резне, где ее искали все волкодавы Бреса? Лорны больше нет на свете. А Финела – здесь. И вместе с ней – права на трон Таумрата. У нас в Твердыне – королева, а не жалкая сирота, которую приютили из милости. Твоя дальновидность изменяет тебе, матушка. А чутье слабеет.

– Ты слишком много стал на себя брать, – процедила сквозь зубы мать Воронов. – Большие кости хватаешь, так и подавиться недолго.

– Ничего, у меня зубов хватит, – оскалился в ответ Дикий, распрямляясь.

Глаза его в полумраке комнаты отливали алым – то ли в них так причудливо преломлялись отсветы огня, то ли так странно падали тени. Леди Ворон приоткрыла рот. Несколько мгновений мать и сын молча смотрели друг на друга, а потом хозяйка Твердыни поднялась с кресла и шагнула к Дикому.

– Я отправила твоих старших братьев в Таумрат, потому что хотела уберечь младших от этого, – тихо сказала она.

Дикий настороженно слушал ее. Леди Ворон протянула руку и дотронулась до его небри- той щеки, осторожно погладила.

– Я думала, что вас горы не позовут, вы всё казались мне слишком маленькими. Казалось, старая кровь в каждом из вас становится все слабее...

Дикий прикрыл глаза и замер.

– Я думала спрятать вас, оставить в Таумрате, но все пошло не так, – говорила леди, вглядываясь в лицо сына. – И кто бы мог подумать, что старая кровь сильнее всего заговорит именно в тебе. Вот чего я всегда боялась – увидеть это в ком-то из вас.

– Да, кроме меня, никто не сгодился, – криво усмехнулся сын, не поднимая век. – Все разлетелось, остались только я и Младший. Но он ни в тебя, ни в отца. Кровь Воронов, кровь Аодха, в нем спит.

– Я одинаково хотела уберечь вас всех, – голос леди дрогнул.

Дикий медленно открыл глаза. Взгляд его был жестким, холодным.

– Поздно, – его мощная рука поднялась и накрыла белую узкую ладонь леди.

– Слишком поздно, – повторил Дикий, чуть сжал руку матери и отпустил. – Я слышу, как поет ветер, слышу, как переговариваются волки на перевалах, слышу, как режут олени, как шепчутся совы на старых лиственницах. Горная стужа пришла в мое сердце. Тебе лучше уехать в замок Оленей до весны. Забирай младенца, лесоруба и уезжай отсюда.

– Финела...

– Королева останется со мной, – перебил ее Дикий. – Война только началась. Она оста-нется со мной до тех пор, пока я не принесу к ее ногам голову Бреса, как я поклялся над телом лорда Кайси.

Не дожидаясь ответа, Дикий развернулся и вышел. Сквозняк всколыхнул гобелены и занавеси на стенах, казалось, за ними проснулись какие-то осторожные существа. Глядя сыну вслед, леди Ворон стиснула рукой ворот у горла.

В главном зале царила торжественная тишина. Бронзовые вороны грозно замерли на спинке трона. Дикий вразвалку поднялся по ступеням и остановился, разглядывая птичьи изваяния и узоры спинки и подлокотников. Ухмыльнувшись, он вольготно развалился на сиде-нии, широко раскинув ноги.

Где-то наверху послышалось карканье, и на спинку трона опустился ворон. Его перья отливали ржавчиной. Посланец склонил голову, заглядывая человеку в лицо, и хрипло карк-нул.

– Сегодня ночью прилетишь на окно моей башни, – погрозил ему пальцем Дикий. – Надо отнести письмо моему Красному братцу. Вернешься с ответом. Есть дело, которое касается только меня и его.

Глава 3

Горы пугали. От нависающих серых пиков со снежными шапками веяло безнадежностью. Воины в меховых одеждах, их низкорослые кони, молчаливые огромные собаки, ворон в туманном небе – все это настраивало на мрачный лад. Гордый с ненавистью посмотрел в небо, откуда сыпались тяжелые мокрые снежинки.

– Сделай лицо повеселей, – негромко произнесла Лорелея, подъезжая ближе. – Нельзя с такой физиономией возглавлять посольство.

– Ты думаешь, мы вообще куда-то доедем? – вышел из себя Гордый. – Это не дорога, а козы тропы! Пойдет снегопад, и придется поворачивать обратно.

– Нам нельзя обратно, – холодно ответила Лорелея. – Мы должны привезти зерно.

Щенок, сидевший впереди нее на седле, гавкнул. Гордый с ненавистью покосился на него.

– Чушь, – прошипел Ворон, склоняясь к Лорелее. – Неужели ты сама не понимаешь, что моя мать затеяла все это, чтобы избавиться от нас?

– Я понимаю, что мы должны выполнить поручение. И понимаю, что без зерна в горы придет голод. Трудные времена требуют трудных решений. Что тебе не так?

– Все, – буркнул Гордый и отвернулся.

Лорелея пожала плечами, успокаивающе поглаживая щенка свободной рукой. Угрюмые воины поглядывали на них обоих с одинаковой неприязнью. Им явно не нравился ни их господин, ни его странная телохранительница.

Вел отряд Бакстер, мальчишка из рода Рысей, младший брат жены лорда Кайси. Он немного напоминал своего покойного родственника – такие же широкие плечи и гордая осанка, такие же прямые черные волосы, спадающие из-под шапки ниже плеч, пронзительной синевы глаза и прямой нахальный нос. А еще он напоминал Гордому Младшего Ворона. Только лицо у Бакстера упрямое и мрачное. В нем не было той романтической мечтательности, которой Седьмой брат так запомнился Четвертому.

– Почему? – вдруг спросила незаметно подъехавшая сзади Лорелея.

– Что почему? – вздрогнул от неожиданности Гордый.

– Почему у всех горных лордов есть имена, а вы, братья Вороны, зоветесь прозвищами? Гордый, Младший... Красный, Старший...

– Спроси у нашей матери, – буркнул Гордый. – Наши имена известны только ей. Все остальные с самого детства называют нас только по прозвищам. Если честно, то я сам понятия не имею, что там у меня за имя. И прекрасно, знаешь ли, без него обходился все это время. Еще вопросы?

Лорелея молча отъехала от него и догнала Бакстера.

– Лорд Рысь, – поклонилась ему Лорелея. – Позволь задать тебе вопрос.

– К твоим услугам, – с видом бывалого вояки кивнул Бакстер, но ломающийся голос испортил всю торжественность.

– Почему никто не знает имен лордов Воронов?

Вся суровость мигом слетела с Бакстера. Мальчишка уставился на Лорелею с испуганно приоткрытым ртом.

– Что? – пожала она плечами. – Я чужеземка, мне любопытно. У всех есть имена, а у них только клички.

– Их имена нельзя никому называть, чтобы не услышали горные духи, – зло прошипел Бакстер. – Нашла о чем выпытывать! Несчастье навлечь хочешь? Про такие дела только ведьмы разговоры ведут. Если шибко интересно – у леди Ворон бы и спрашивала.

Лорелея покачала головой. Суеверия этой негостеприимной земли повергали ее в изумление. А временами ей и самой начинало казаться, что вокруг все пронизано волшебными

чарами. Внезапно Лорелею отвлек щенок. Он завожился на седле, завертелся, залаял и свалился в снег под копыта коня.

– Хват! – крикнула Лорелея. – Да чтоб тебе!

Щенок, не обращая на ее окрики никакого внимания, бросился вперед, неуклюже проваливаясь в снег, обогнал лошадь Бакстера и уселся прямо посреди дороги. Недовольно тявкнул и оскалил белые зубки.

– Вот гаденыш, – разозлилась Лорелея. – Ну, погоди у меня!

Она спрыгнула с лошади и решительно направилась к щенку, но Бакстер вдруг наклонился и схватил ее за плечо.

– Стой!

Лорелея вырвалась, едва удержавшись, чтобы кулаком не сбить мальчишку с коня.

– Это горный мастиф, – медленно, словно слабоумной, пояснил ей Бакстер. – Они умнее людей. Если он не дает нам проехать, надо подождать.

– Да брось ты! – окончательно вышла из себя Лорелея. – Это всего лишь щенок!

– А ты всего лишь чужеземка, и пес знает о горах побольше, чем ты! – прищурился Бакстер. – Мы не поедem, пока он не разрешит.

Лорелея бессильно уронила руки. Хват довольно гавкнул. Уходить с пути он явно не собирался. Подтянулся остальной отряд.

– Что случилось? – спросил Гордый Ворон.

– Пес не дает проехать, – угрюмо ответила Лорелея.

– Так прогони его с дороги, – с досадой сказал Гордый.

– А этого не дает он, – кивнула на Бакстера Лорелея.

– Пес чувствует что-то неладное, – вмешался старый одноглазый воин, заросший седой бородой по самые глаза. – Давайте подождем.

– О, небеса, – прикрыл глаза Гордый. – Весь отряд ждет, пока щенок справит нужду.

Ответом ему было мрачное молчание. Все смотрели на Хвата. Щенок повернулся к людям спиной и спокойно сидел, нюхая воздух и всматриваясь вдаль. Ветер шевелил его густую шерсть. Лошади вздыхали и перебирали копытами. Гордый закусил губу. Через четверть часа он не выдержал и крикнул:

– Бакстер! Я тебе приказываю прекратить эту дурь и ехать дальше!

Бакстер не ответил, уставившись на гриву своего коня. Гордый стиснул кулаки. Оставлять это так он не собирался.

Внезапно щенок жалобно заскулил и заметался на месте. Послышался странный звук – словно где-то выдохнул великан. Тихое шуршание сменилось грозным гулом, и на глазах у потрясенного Гордого громадный пласт снега впереди пополз вниз, стирая часть тропы, утягивая за собой валуны и деревья.

Уничтожая все на своем пути, лавина прогрохотала по склону и рухнула в ущелье.

– О, небеса! – выдохнула Лорелея. Ее глаза остекленели от ужаса. – Мы ведь сейчас проезжали бы как раз там...

– Горные мастифы никогда зря не станут беспокоить хозяев, – буркнул седой горец. – Сейчас все уляжется, и поедem дальше.

– Дальше? – почти взвизгнула Лорелея. – По этой тропе? Чтобы нас в любой миг могло накрыть следующей лавиной?

Бакстер поднял насмешливый взгляд от конской гривы и презрительно ухмыльнулся:

– Предлагаешь подождать до весны, пока снег не растает? Так весной тоже оползни бывают.

Горцы громко захохотали. Лорелею кровь бросилась в лицо. Она оглянулась – не смеялся только Гордый Ворон. Он тронул коня и подъехал к ней.

– Лавины здесь обычное дело, – сказал он. – Но впечатляет. Сам отвык. Очень страшно.

– Но с этим же ничего нельзя поделаться, – указала на след от схода Лорелея. – Это верная смерть! Против нее не поможет ни меч, ни щит...

– Эти люди живут здесь всю жизнь, – вздохнул Гордый. – И как-то выживают. Нам повезло – у нас есть твой пес.

Лорелея посмотрела на щенка. Тот подбежал к ее коню и теперь подпрыгивал, скулил, парал воздух – просился обратно в седло.

– Твой младший брат спас мне жизнь, – пробормотала Лорелея. – И тебе, и всем этим воинам. Он подарил мне этого щенка. За то, что я спасла твою.

– Видимо, и от младших братьев бывает польза, – заметил Гордый. – Нужно ехать дальше. До темноты надо добраться до перевала.

Лорелея посмотрела на горы вокруг, зябко поеживаясь. Еще никогда ей не было настолько страшно. Мысли о внезапной подлой смерти преследовали ее все долгие две недели пути, пока они пробирались горными дорогами. Только когда склоны и скалы остались позади, а впереди открылась усеянная серыми валунами ровная возвышенность, Лорелея почувствовала, что ужас медленно разжал свои ледяные пальцы и освободил ее сердце.

Здесь было заметно теплее, и чем ниже они спускались, тем лучше становилось. Чувствовалась близость Стылого моря и гигантского теплого потока, омывавшего эту часть материка.

В долине снега почти не попадалось, было тепло, сухо, хотя и пасмурно. Горцы потели в своих мехах. Пришлось снять шапки, рукавицы, плащи. Лорелея разделась до легкой кожаной куртки. Ее волосы, собранные в высокий тугий хвост, лихо развевались на ветру.

Отряд двигался медленно: полсотни человек, пусть и привычных к суровым испытаниям, нуждались в еде и отдыхе.

Кругом тянулись бесконечные поля, пустые в эту пору. Лишь кое-где зеленели озимые.

– Богатый край, – заметила Лорелея. – Если год был урожайным, то зерна здесь с избытком.

– Здесь всего с избытком, – буркнул Бакстер. – Зерна, овец, масла, чего хочешь. Только они жадные. Цены задирают бессовестно. Потому и богатые такие, что жадные. Король Аэрин даже корону не золотую, а серебряную носит.

– Золота не хватило? – удивилась Лорелея.

– Нет, – фыркнул Бакстер. – Все золото на монеты переплавил и в сундуки попрятал. Нечего удивляться, что у них тут, как говорят, драконы водятся.

– Драконы? – раскрыла рот Лорелея. – Но этого не может быть! Драконы бывают только в легендах.

– Вот сожрет тебя такая тварь вместе с лошадей, и будет тебе легенда, – проворчал Бакстер.

Лорелея отъехала от него, про себя поражаясь, как такой молодой парень может быть таким угрюмым брюзгой. Лорелея и сама смотрела на жизнь серьезней, чем следует, из-за чего нередко становилась предметом насмешек, но Бакстер далеко обошел ее.

Дорога стала такой широкой, что на ней свободно могли бы разъехаться три кареты. Следы от колес и копыт говорили о том, что здесь должно быть многолюдно, но навстречу отряду почему-то почти никого не попадалось, лишь иногда проезжали крестьянские повозки с тяжелой поклажей. Везли лес, мешки, свиней или овец в тесных клетках. На горцев крестьяне косились настороженно, поглубже натягивая на глаза серые бесформенные колпаки. Несколько раз отряд сворачивал в деревни, чтобы купить провизию. Там путешественников ждал прохладный прием – сплошь тревожные взгляды, скупые слова и неохотный торг. Лорелея подмечала, что крестьяне почти все обуты, скотина у них сытая и гладкая, а виселиц почти нет. Это был процветающий спокойный край, где умели считать деньги и не любили чужаков.

На четвертый день впереди показался перекресток. На нем маячили две конные фигуры, закованные в сталь.

– Вот и стража, – пробормотала Лорелея, натягивая повод.

Гордый Ворон придержал своего коня и сделал знак остальным. Бакстер мрачно зыркнул, но подчинился. Отряд остановился.

– Надо поехать и переговорить с ними, – сказала Лорелея. – Не всем.

– Поехали, – кивнул Гордый, но Лорелея покачала головой:

– Нет. Мало ли, вдруг там засада. Поедем я и Бакстер.

Бакстер гордо распрямил плечи.

– Не уверен, что вы двое годитесь для переговоров, заметил Гордый.

– Поверь мне, – подняла подбородок Лорелея. Я не единожды участвовала в переговорах Бреса и даже вела их от его имени. А ты хоть раз на переговорах был? – Я, вообще-то, командовал армией, – разозлился Гордый.

– Не армией, а королевскими гвардейцами, – с плохо скрытым сарказмом уточнила Лорелея. – И вряд ли Эннобар брал тебя в посольства.

Гордый покраснел до ушей. Бакстер сделал вид, что считает птиц в небе.

– Хорошо, – наконец сказал Ворон. – Делай как знаешь.

Лорелея кивком головы позвала Бакстера и тронула коня. Они подъезжали все ближе к перекрестку. Уже можно было разглядеть обоих воинов: они спокойно сидели в седлах без шлемов, а оруженосцы стояли поблизости, держа наготове их боевые копья.

– Приветствую вас, – отвесила полупоклон Лорелея.

Воины выглядели молодо, глаза у них были наглыми и веселыми, длинные волосы свободно спадали на плечи. Лорелея оценила добротность доспехов: снаряжение каждого стоило целое состояние.

– И вам поклон, прекрасная госпожа, – отозвался воин постарше. – К вашим услугам – лорд Гаррет.

– И лорд Грэди, – поспешил представиться второй.

– Мы едем из Твердыни Воронов, с Серых гор, – указала на оставшийся позади отряд Лорелея. – Мы хотим купить у сенхинолов зерна. Нам надо проехать к королю Аэрину.

– Все дороги Голуэла в твоём распоряжении, прекрасная госпожа, – поклонился лорд Грэди, но почтительности в его поклоне не было заметно. – Однако не раньше, чем кто-то из твоих спутников сразится с одним из нас за право проезда для тебя. Таков закон.

– А если госпожа путешествует без спутников? мрачно спросила Лорелея, разглядывая обоих лордов.

– Тогда госпоже придется дать нам выкуп, – усмехнулся лорд Гаррет.

Лорелея помолчала. Ветер трепал волосы всадников, ярко блестели на солнце металлические наконечники копий и драгоценные камни на фибулах, скреплявших плащи.

– Эти люди не мои подданные, – нарушила молчание Лорелея. – Никто из них мне не супруг и не господин. Думаю, вы можете нас пропустить без поединка.

– Думаю, госпожа, что мы не можем вас пропустить, – с подчеркнутой любезностью ответил лорд Гаррет. – Ты одета как мужчина, но при этом – как высокородный горный лорд. Ты – не служанка, не крестьянка и не рабыня. Чтобы ты могла миновать наш перекресток, за тебя должен биться кто-то из лордов. Либо тебе надо дать нам выкуп.

– Что за выкуп?

– Одно из твоих колец, например, – сказал лорд Грэди.

– Я не ношу колец, – Лорелея стянула с рук перчатки и показала воинам ладони.

– Тогда твой вышитый платок или перчатки, – вмешался лорд Гаррет.

– Это мужские грубые перчатки, а платка у меня нет, – холодно посмотрела на него Лорелея.

– Рукав платья тоже сгодится на выкуп, – подсказал лорд Грэди.

– Я не ношу женское платье, не ношу шейных и головных платков, бус, серег, браслетов и оплечий, – перечислила Лорелея. – Ничего из женских уборов. Пропустите нас.

– В крайнем случае выкупом может послужить нижняя рубашка, – с любезной улыбкой заявил лорд Гаррет.

– Что?! – не поверила своим ушам Лорелея.

Бакстер вскинул голову и уставился на лордов.

– Твоя нательная рубашка, госпожа, – снова ухмыльнулся лорд Гаррет. – Если уж ничего другого нет.

– Хорошо, – бросила Лорелея, разворачивая коня. Будет поединок.

Она бешеным галопом полетела назад к отряду, Бакстер остался далеко позади. Гордый ждал ее в нетерпении.

– Дайте мне копьё и щит! – крикнула Лорелея.

Ворон изумленно смотрел на ее красное от злости лицо, побелевшие глаза и закушенные губы.

– Поединок? – переспросил он. – Это ты так хорошо провела переговоры?

– Это не было переговорами! – рявкнула Лорелея, натягивая подшлемник. – Они пропускают через свой перекресток женщин только после поединка с их мужчинами. Такой у них закон. Мы не можем просто убить двух знатных лордов короля Аэрина, чтобы проехать дальше, поэтому нужно принять вызов.

– Тогда должен ехать я, – Гордый схватил ее коня за уздечку. – Это дело для мужчины.

– Если ты забыл, то я – твой телохранитель, а не твоя женщина, – глаза Лорелеи ярко сверкали из-за забрала. – Они нанесли мне оскорбление! Это мой поединок.

Горцы переглядывались. Гордый понял, что любые попытки остановить взбешенную спутницу приведут к кровопролитию. Перед его внутренним взором встало воспоминание: Лорелея словно дикая кошка прыгает с седла на вооруженного всадника, лезвие кинжала входит точно в переносицу, погружаясь по рукоять.

– Дайте ей копьё и щит, – велел он.

Лорелея приняла копьё, бегло осмотрела наконечник. Пристроила древко под мышкой и протянула свободную руку за щитом. Уже никто вокруг не улыбался – ее безмолвная фигура выглядела внушительно.

Лорелея сжала бока коня ногами, с места высылая его в галоп, и понеслась обратно к перекрестку. Когда она вихрем промчалась мимо скачущего ей навстречу Бакстера, тот не выдержал и резко вильнул с конем в сторону, но все равно его обдало ветром с привкусом металла. Бакстер вытащил из-за пояса рог, набрал воздуха и затрубил, подавая сигнал к началу сшибки.

Лорды услышали звуки рога и увидели, что к ним на всем скаку летит вооруженный всадник.

Лорд Гаррэт широко улыбнулся и крикнул оруженосцу – и несколько мгновений спустя уже летел навстречу противнику, уперев копьё в бедро.

Гордый, кусая губы, смотрел, как неумолимо сближаются кони. На Лорелею не было лат, из защиты – только щит и кожаная куртка с металлическими вставками и плотной подкладкой. Гордый почувствовал, как внутри у него все сжимается в ожидании удара и неминуемой гибели Лорелеи. Вдруг стало больно в груди. Ворон понял, что привык к этой странной женщине – к единственному человеку, которого он мог считать сейчас своим другом.

Стук конских копыт уже слился воедино, противники уже различали в прорезях забрал глаза друг друга. Копьё Лорелеи было длиннее на локоть – вонзив сапоги во взмыленные бока своего жеребца, она направила острие в левую часть кирасы лорда Гаррэта, вложила всю свою силу в страшный таранный удар...

Копье с грохотом впечаталось в щит Гаррэта, прошло его насквозь и вонзилось в металл доспеха.

Гордый увидел, как всадники сшиблись и мгновение спустя противник Лорелеи вылетел из седла, с полного галопа грянувшись о землю. Обломки копья разлетелись во все стороны, а Лорелея понеслась дальше, словно божество войны, привстав на стременах и не давая коню сбавить скорость.

– Что она делает? – пробормотал Гордый, не отрываясь от завораживающего зрелища.

Горцы, затаив дыхание, наблюдали за исходом поединка.

Лорд Грэди не поверил своим глазам, когда его побратим рухнул, выбитый из седла, а сразивший его всадник помчался к новой цели.

– О, Небо! – выдохнул лорд Грэди. – Шлем и щит!

Оруженосец поспешил помочь ему, но всадник приближался слишком быстро. Грэди едва успел закрепить шлем и закрыться щитом, как на него обрушился ураган из стали и ярости.

Подлетая к Грэди, Лорелея выхватила из-за пояса свой тяжелый меч и прокрутила в воздухе.

Грэди едва успел принять щитом сокрушительный удар, удесятенный весом и скоростью коня, – и мгновение спустя Грэди рухнул с лошади на землю.

Лорелея осадил взмыленного жеребца, развернула его и подъехала к поверженному противнику. Она сняла шлем, пристроила его на луку седла и свесилась с коня, приставив острие меча к горлу лорда. Глаза ее горели.

– Лорд Грэди, – тяжело переводя дыхание, спросила Лорелея. – Этого достаточно, чтобы моя нательная рубашка осталась при мне?

– О, Небо, – простонал из шлема лорд. – Вы не леди, вы ведьма из Черного леса, чтобы вам света белого не видеть больше... Мои ребра... Мое плечо...

Лорелея выпрямилась в седле и убрала меч. Лицо у нее было бледно и покрыто испариной. Она подождала, пока подтянется весь отряд. Оруженосцы хлопотали вокруг своих лордов. Грэди стонал от боли, а Гаррэт не подавал признаков жизни.

– Ты сумасшедшая, – сказал Гордый, оглядываясь на побежденных рыцарей. – Зря я тебя послушал – это же просто игра копий. Мужская игра, в которой нет ничего плохого.

– Они меня оскорбили, – процедила сквозь зубы Лорелея. – И я играю только в смертельные игры. Другие не имеют смысла, если только для детей.

– Но чем они тебя так оскорбили? – воскликнул Гордый.

– Они сказали, что не пропустят ее, пока она не отдаст им свою нательную рубашку, – подал голос неслышно подъехавший Бакстер.

Он смотрел на Лорелею с искренним восхищением, если не с обожанием.

Гордый открыл рот – и снова закрыл. Он просто не знал, что ответить.

– На твоём месте я бы их обоих зарубил! – восторженно выдохнул Бакстер.

– Одна рубашка, даже нательная, того не стоит, снисходительно ответила Лорелея. – У меня плечо выбито. Есть у вас кто, чтобы помочь вправить?

– Конечно, конечно, старый Карри умеет, – поспешно ответил Бакстер. – Сейчас приведу его.

Когда он отъехал, Лорелея перевела взгляд на Гордого. Тот спросил:

– Это стоило выбитого плеча?

– Вполне, – ухмыльнулась Лорелея.

– Могло стоить и жизни.

– У меня копье было длиннее, и в искусстве поединка эти двое недалеко ушли от вас, – прищурилась Лорелея. – Готова биться об заклад, никто здесь не убивал столько, сколько я.

– Не надо недооценивать моих людей, – холодно заметил Гордый. – Они показали себя в деле. В горах умеют обучать воинов.

– Учеба – это одно, а настоящий бой – другое, дернула плечом Лорелея. – Часто горцам приходится убивать? Через сколько войн они прошли?

Гордый молчал.

– Даже ты дрался на войне лишь раз, – безжалостно продолжала Лорелея. – И судя по тому, что Эннобар и твой старший брат остались на поле боя, а Таумрат пал, то готовились вы в своих казармах к этой войне через задницу.

Гордый дернулся, как от удара, развернул коня и поехал вперед. Лорелея проводила его взглядом, облизнув губы. Внезапно она услышала жалобный визг: у ног коня ужом вился Хват и просился в седло. Сморщившись от боли, Лорелея нагнулась и подхватила щенка на руку.

– Просто, когда мне больно, я не готова выслушивать нравоучения, – пробормотала она на ухо Хвату. – Учить он меня еще будет, сам пусть сперва научится сражаться.

После того как Лорелея вправила плечо и сделали тугую перевязку, отряд двинулся дальше. Хват вертелся в седле – держать его и при этом управлять с конем было ужасно неудобно. Вконец измучившись, Лорелея вручила щенка Бакстеру. Хват принялся визгливо выражать свое недовольство такими переменами, да еще и попытался тяпнуть Бакстера за руку. А зубы у него были уже внушительными.

– Хват, фу, – прикрикнула на песика Лорелея. – Вообще, он уже скоро сам будет с лошадь.

– Горные мастифы – крупные собаки, – подтвердил Бакстер. – Он тебя еще удивит.

– Меня в горах вообще удивляет все, – проворчала Лорелея. – Особенно то, что вы там живете по доброй воле.

Бакстер криво усмехнулся и ничего не ответил.

Глава 4

Замок лорда Кайси стоял в уютной долине, окруженной склонами, сплошь поросшими древними лиственницами. Деревья были настолько огромны, что всадник рядом с ними казался жалким насекомым.

Дикий Ворон задрал голову, разглядывая неохватные стволы и кривые мощные ветви. Сумрак шагал без принуждения – они давно были в пути, день клонился к вечеру, и животное спешило к теплу и корму.

Ворота были закрыты, сверху за неожиданным гостем наблюдали стражники. Дикий широко улыбнулся и помахал рукой. Отворилась калитка, и навстречу Ворону, кланяясь и прижимая руку к груди, вышел привратник.

– Как поживает леди Слэйн? – спросил Дикий.

– Хворает, – вздохнул привратник. – С тех самых пор, как пришли черные вести о лорде Кайси. Лежит в постели и все время плачет о том, что ей не довелось даже похоронить его по-человечески. Молодые леди пытаются уговорить ее подняться, но все бесполезно. Болезнь подорвала ее силы.

Дикий сочувственно кивнул и пригнулся, проезжая в калитку. Внутри ждали фении, поспешившие принять его коня. В их компании Дикий отправился к замку, обмениваясь приветствиями со встречными и отвечая на вежливые вопросы про погоду и дорогу.

В главном зале слуги уже поспешно разводили в честь гостя огромный камин, сходились домохадцы, воины и прислуга.

Раньше всех прибежали три дочери лорда Кайси – Файонола, Сонга и Силис. Все они были похожи на отца – высокие для женщин, с черными тугими косами и яркими синими глазами. От них веяло молодостью, здоровьем и пышно расцветающей женственностью, особенно от старшей, от Файонолы, самой пригожей из трех. Ей исполнилось семнадцать, и если бы не смерть отца, то осенью уже бы была сыграна ее свадьба. Но Кайси погиб, а вместе с ним и ее жених – старший из братьев Вепрей.

– Рады тебе, лорд Ворон, – почтительно поклонилась Файонола гостю. – Садись за стол, на почетное место – то, где всегда сидел отец.

Тут голос девушки дрогнул, и все три две сестры захлопали носами. Дикий осторожно приобнял Файонолу, похлопал по спине.

– Мне жаль, что лорд Кайси не встречает меня сам, как бывало. Но я приехал к вам не просто погоревать о нем. Я привез вам вот это, – Дикий достал из поясной сумы кинжал и два перстня.

Файонола ахнула, прикрыв рот рукой.

– Это кинжал и перстни отца, – вскрикнула средняя сестра, Сонга.

– Я снял их с его тела, – пояснил Дикий. – Привез вам как дорогую память.

Дикий вручил кинжал Файоноле, а перстни раздал младшим дочкам. Было много слез, ахов и причитаний. Наконец все расселись вдоль стола. Дикий обратил внимание, что на блюдах лежат по большей части мясо и рыба, а овощей и хлеба совсем мало.

– Прости, что тебя не встречает наша матушка, сказала сидевшая напротив Дикого на женской скамье Файонола. – Но она больна и слаба. Мы опасаемся худшего.

– Я зайду ее проведать, – ответил Дикий. – Думаю, поговорить с ней насчет вашей судьбы. Следует думать не только о мертвых, но и о живых. Ей еще выдавать вас замуж. Я предложу себя как замену лорду Кайси. Отведу каждую из вас под омелу вместо отца.

Файонола радостно улыбнулась ему, глаза у нее заблестели. Дикий усмехнулся – война войной, горе горем, а девушки только о свадьбе и думают. Ужин прошел довольно весело, впервые за долгое время замок Лиственниц оживился.

Налегая на пиво и еду, Дикий посматривал по сторонам. Он заметил, что в толпе слуг мелькают пряди рыжих волос. Их обладательница старалась держаться в тени, но то и дело, не в силах побороть любопытство, высовывалась вперед.

После ужина Дикий навестил леди Слэйн. Увиденное его поразило: недавно еще красивая, полнокровная женщина превратилась в разбитую седую старуху. Вдова лорда Кайси лежала в спальне, на огромном ложе, завешанном драпировками, вся опухшая, бледная и с потускневшим взглядом.

Рассказ Дикого о том, как погиб Кайси и как он нашел тело лорда Лиственниц и похоронил, вызывал у вдовы такой приступ рыданий, что лекарю пришлось пускать ей кровь и давать нюхать валериану. Дикий терпеливо ждал, когда она кончит причитать, пытался подбодрить леди, убедить ее поговорить о судьбе замка и дочерей, но бедная женщина лишь плакала и закрывала лицо исхудавшими руками.

Отчаявшись добиться от нее ответа, Дикий попрощался и ушел к себе в спальню – разговор мог подождать до утра.

Проснулся Дикий привычно рано. Усевшись на кровати, подумал о том, как ему не хватает ослепительного восхода – восхода, к которому он привык у себя в башне, в Твердыне. Натянув одежду и наскоро ополоснув лицо, Ворон прошел по пробуждающемуся замку и вышел во двор.

Низкое зимнее небо едва алело по краю. У колодца девушка набирала воду в ведро. В отсветах зари ее волосы отливали красным. Дикий подошел к колодцу и, склонив голову набок, принялся разглядывать платье из грубой некрашеной ткани, засаленный передник, простой платок на голове, завязанный под подбородком, и деревянные старые башмаки.

– Мэрид, Мэрид, здравствуй, леди Мэрид, – нараспев протянул он. – Сдается мне, что раньше твои одежки были нарядней.

Девушка поставила полное ведро на каменный окоем колодца и подняла на него серые глаза. Ее лицо было чистым, с молочной кожей, без конопушек. Темно-рыжие, почти красные, густые волосы вились по спине косами, спадая до колен.

– Здравствуй, лорд Ворон, – тихо сказала она. Раньше мне велел надевать нарядные платья отец.

– А твои дорогие сестрицы, значит, подобрали тебе более подходящие наряды? – усмехнулся Дикий.

– Я же не законная дочь, – спокойно ответила Мэрид. – Не к лицу мне носить те же платья, что настоящим леди. Все равно пора привыкать к тяжелой работе. Думаю, меня совсем скоро отдадут замуж.

– Тебя может взять и лорд, – заметил Дикий. – Твой отец был не последним человеком.

– Вряд ли за мной дадут хорошее приданое, – опустила глаза Мэрид. – Да и потом... Кто женится на рыжей? Если бы я была как все...

– Послушай, Мэрид, – тут Дикий бросил свои ужимки. – Твоя мать не была лорду Кайси законной женой, но он любил тебя не меньше других сестер. Я видел это и знаю, что он дал бы за тебя хорошее приданое и выдал бы тебя за достойного человека, чтобы ты жила в достатке и радости, а не глодала сухари и не надрывалась на грязной работе. Он растил тебя в замке как леди, а не на кухне, как чернавку. Я уверен, что он любил тебя, Красная Мэрид.

– Я тоже в этом уверена, – едва слышно произнесла Мэрид, и голос у нее дрогнул.

– А я пообещал лорду Кайси, когда сидел над его телом, что позабочусь обо всех его дочерях, – нахмурился Дикий. – И еще я думаю, что раз ты сама сирота, то должна быть добра к другим сиротам. Умеешь ли ты ходить за детьми, стряпать, прясть, ткать и шить, Мэрид?

– Конечно, – удивленно посмотрела на него девушка. – Я умею все, что положено девушке хорошего воспитания.

– Я могу забрать тебя с собой в Твердыню, – объявил Дикий. – Моя мать, леди Ворон, всю зиму прогостит в замке Оленей. Я остался за хозяина, и со мной девчонка Финела, дочь покойного Эннобара. Мы неплохо ладим, да и служанок у меня полно, но все-таки ей не хватает наставницы. Ее пора сажать за женскую работу, но мать забрала с собой всех своих леди. Поедешь со мной присматривать за малюткой? Взамен я вместо лорда Кайси дам за тобой хорошее приданое и найду тебе хорошего мужа.

Мэрид во все глаза уставилась на него. Робкая улыбка осветила ее лицо.

– Поеду! – выдохнула девушка, складывая руки на груди.

– Только вот этого не надо, – скривился Дикий. Раз едешь, то и говорить тут не о чем.

На следующий день из ворот замка Лиственниц вылетел серый конь с густой черной гривой и развевающимся по ветру пыльным хвостом. Дикий вез в седле счастливую Мэрид, закутанную в теплый плащ из зеленого сукна, отороченного куньим мехом. Серые глаза девушки ярко блестели, и она доверчиво прижималась к груди Ворона, лишь изредка выглядывая из капюшона, чтобы полюбоваться заснеженным миром вокруг.

Уже при свете звезд копыта коня прогремели по обледелым доскам подвесного моста, и скоро Дикий снял Мэрид с седла и опустил на землю перед дверями замка. Им освещали дорогу фении с факелами. Дикий велел принести ему ужин, а Мэрид проводить в приготовленные ей комнаты, смежные с комнатами Финелы.

Но перед тем он придержал девушку за локоть и сказал негромко, вглядываясь в ее лицо:

– Знаешь ли ты, что со мной здесь живут еще два брата?

– Да, – ответила Мэрид. – Одного из них я видела, когда он вместе с тобой, лорд Ворон, приезжал к нам в замок.

– А как звали его, знаешь?

– Лорд Красный Ворон.

– Почему его так зовут, как думаешь? – наклонился к ней Дикий.

– Думаю, за цвет волос, – пробормотала Мэрид.

– Точно, – ухмыльнулся Дикий. – К рыжим тут относятся иначе, чем везде. Здесь никто не считает их колдунами. С тобой будут держаться по-доброму, даже если ты не будешь прятать свои косы.

Мэрид расцвела в улыбке, но тут Дикий наклонился к ней еще ниже, больно стиснул локоть и произнес низким, почти угрожающим голосом, преобразившись так, что девушке стало страшно:

– Мэрид, я скажу тебе еще кое-что. Надеюсь, ты девушка умная и все усвоишь. Я человек грубый, особенно к женщинам. Но ты – дочь лорда Кайси, и я ни в коем разе не хочу тебя оскорбить или обидеть. Однако ты и сама должна себя блюсти – пореже попадайся мне на глаза, не заговаривай со мной без нужды и не трясись передо мной своим задом, а то спяну я бываю несдержан и могу забыть. А этого никак нельзя допустить, иначе на том свете лорд Кайси мне в лицо плюнет. Поняла, про что я?

Он встряхнул девушку так, что у той мотнулась голова.

– Да, – испуганно пролепетала Мэрид.

– Хорошо, иди, – подтолкнул ее Дикий.

Уходя, Мэрид не удержалась и обернулась – Ворона уже не было. Сутулая служанка пома-нила Мэрид за собой, показывая дорогу.

* * *

Дикий быстро поел и, сердито отпихнув ногой Серого, отправился к себе в башню. Ступив на крутую винтовую лестницу, он вдруг замер, вскинув голову, и посветил наверх факелом. На него сверху вниз смотрел Младший Ворон.

– Милый братец, – хохотнул Дикий. – Никак ты по мне соскучился?

– Вовсе нет, – холодно ответил Младший. – Век бы тебя не видеть. Но я хочу знать, почему уехала мать и что за стройку ты тут затеял.

Дикий улыбнулся и вдруг одним прыжком перемахнул через несколько ступенек и встал вплотную к Младшему, высоко поднимая факел.

– Мать решила увезти малышку Диорвел туда, где потеплее, а тебе я советую поохотиться в лесу, говорят, куниц в этом году столько, что сами с елок падают, – вкрадчиво сказал он. – Что до стройки, то пока я – старший, и я решаю, как распорядиться Твердыней.

– Ты не старший, – твердо взглянул ему в глаза Младший. – Мудрый и Гордый, да даже Красный – все они по рождению стоят перед тобой.

– Да? – сделал удивленные глаза Дикий. – Правда? А я-то уж и забыл, спасибо, милый братец, что напомнил. Но только не подкажешь ли, а где же наши старшие братья? А? Где они все? Кто из них сейчас в замке?

Младший молчал.

– Их нет, – перестал улыбаться Дикий. – А пока их нет, старший здесь я. И мне очень жаль, что из всех братьев со мной остался самый бесполезный – ты. Поэтому не путайся у меня под ногами. Я знаю, что делаю.

Дикий хотел было пройти, но Младший загородил ему дорогу и сказал, еле сдерживаясь, прямо в лицо:

– Ты возомнил себя хозяином гор, но ты просто грубая скотина. Никогда тебе не быть таким, как наш отец Аодх, и даже вполнину таким, как Старший Ворон.

– Я и не помышлял о такой высокой чести, – прошипел Дикий. – Уйди с дороги, не то я из тебя пыль выбью, как в детстве.

– Ты оскорбил гостью, женщину, которая спасла жизнь нашему брату! – крикнул Младший. – Я сам тебя сейчас с лестницы спущу!

Братья злобно смотрели друг другу в глаза, казалось, еще секунда – и они сцепятся. Но Дикий вдруг расслабил плечи и покачал головой.

– Ты прочитал слишком много сказок и легенд, милый братец, всю голову себе романтикой забил, да еще девчонка эта твоя...

Младший стиснул кулаки, но Дикий подался вперед, схватил его за шею свободной рукой и притянул к себе.

– Послушай, – почти прошептал он, кривясь и прикрывая глаза. – Мы не были дружны. Ни мы с тобой, ни все семь братьев Воронов. Но кровь не вода, а «брат» не пустой звук. Я понял это, когда Старшего подняли на копы в той проклятой битве. Да, мы, младшие, почти не знали его, но у меня словно сердце в груди лопнуло, когда я понял, что он мертв. Я ненавижу Бреса. И не хочу потерять еще хоть одного брата. Гордый ушел за горы, Мудрый исчез, и никто не знает, где он. Красный сидит у моря и неизвестно, когда мы с ним свидимся. Белый, возможно, тоже мертв. Только мы с тобой остались в гнезде. Не смотри на меня, как на врага. У нас с тобой одна кровь и одна цель – сохранить Твердыню, отвоевать Таумрат и вырвать у Бреса сердце из груди. Прошу тебя, не мешай мне. И не осуждай, даже если тебе поперек души то, что я делаю.

Младший молчал, только судорожно сглатывал. Когда рука Дикого разжалась, он медленно спустился вниз по ступеням мимо брата.

– Я уеду на зимнюю охоту, – сказал он, не оборачиваясь. – Пошли со мной фениев, чтобы доставлять дичь в замок.

Глава 5

Ангус стоял, обняв себя за плечи, и смотрел, как двое дюжих стражников пытаются вытянуть застрявшую телегу из лужи. Вокруг бегал фуражир и ругался последними словами. Ангус не обращал внимания – он уже привык к брани. К холоду и голоду привыкнуть было сложнее. Живот сводило, голова горела.

Ангус хотел есть – так, что слюна казалась горькой. Вчера вечером старая Нэнни приносила какие-то объедки – плесневелые корки и кусок соленого рыбьего хвоста – и силком запихнула ему в рот, бормоча и сюсюкая. С тех пор Ангусу не удалось перехватить ничего.

Ангус был ей благодарен, но все равно в глубине души ненавидел. Да, Нэнни спасла его, заботилась о нем, кормила в ущерб себе, но она была полоумная, грязная, воняла сладкой тухлятиной и думала, что он – ее сын. Это злило мальчика сильнее всего.

Убедившись, что Ангус понимает всю опасность своего положения и не будет кричать о том, что он – сын Старшего Ворона и рваться во дворец, она начала брать его с собой на улицу. Старуха просила милостыню и рылась в кучах мусора, а Ангус ходил за ней, трясясь от холода и боясь потеряться.

Лицо его стало грязным, волосы сальными, поверх его рубашки и штанов Нэнни намотала свою серую дырявую шаль. Но хуже всего было ногам – Ангус никак не мог привыкнуть ходить босиком. Он, конечно, простудился бы и умер, если бы Нэнни не раздобыла ему грубые деревянные башмаки и две истертые тряпки вместо обмоток.

Ангус начал изучать жизнь улицы, учился смотреть и видеть. Нэнни была из самых низов, даже воры, шлюхи, грабители и убийцы стояли выше нее. А кроме воров, шлюх, грабителей и убийц, здесь почти никто и не жил.

Брес щедро даровал помилование всем, кто при Эннобаре числился в розыске. И теперь помимо гарнизона лугайдийцев и отрядов наемников отчаявшимся жителям столицы пришлось иметь дело с пышным цветом расцветшей преступностью.

В телеге был хлеб – Ангус чувствовал его запах, и этот запах сводил с ума. Он уже изучил окрестности и иногда отбивался от Нэнни, а потом сам возвращался в их темную нору.

Стражники ухнули, навалились, телега качнулась и выскочила из западни. С заднего края в грязную лужу плюхнулась коврига хлеба. У Ангуса загорелись глаза.

– Вот собаки поганые, – закричал фуражир. – Я вам за что заплатил? Чтобы вы весь хлеб в грязь вывалили?

Они орали и ругались, но Ангус уже ничего не слышал – он бросился вперед, упал на колени и схватил ковригу.

Раздался вопль – Ангус чудом увернулся от протянутых рук и сломя голову метнулся в переулок. Несся, сворачивая и петляя, пока наконец не почувствовал себя в безопасности.

Тогда он остановился и стал жадно кусать размокший хлеб – едва не плача, давясь плохо пропеченным тестом. Ему хотелось скулить от наслаждения.

– Эй ты!

Ангус обернулся, сжимая хлеб в руках. К нему приближался такой же оборвыш, но гораздо старше – на вид лет десять, а то и больше.

У замарашки были наглые злые глазки, глупая порочная мордочка и сбитые в кровь кулаки.

– Отдай быстро! – встал он перед Ангусом. – Это моя улица! Ворюга.

– Я мимо проходил, – с набитым ртом ответил тот. Я сейчас уйду.

– Сейчас уйду-у-у, – передразнил оборвыш. – Уйдешь, конечно. Только мне хлеб отдашь.

Ангус в ужасе схватил зубами от ковриги еще кусок и отчаянно замотал головой. Это был его хлеб. Оборвыш выругался поганым словом и бросился на него.

Он был юрким, сильным и очень злым. Ангус старался защитить хлеб – прижимал к себе и упирался.

Его обучали основам рыцарского боя, но как действовать в уличной драке он понятия не имел. У него не было ни доспехов, ни меча, а подлый оборвыш больно пинался по коленкам и бил по лицу. Ангус разозлился и вдруг со всей силы боднул грабителя лбом в переносицу. У него самого потемнело в глазах, но оборвыш завизжал, как девчонка, и попятился, судорожно зажимая руками нос, из которого хлынула кровь. Он хныкал и сквернословил, проклинал и орал, собирая вокруг себя других таких же оборвышей.

Ангусу стало страшно, побелевшие пальцы судорожно вцепились в хлеб.

– Так тебе и надо, Рваная Шапка, – раздался звонкий голос.

Ангус увидел крепкого мальчишку чуть постарше себя. У него были ясные серые глаза, плохая нечистая кожа, щербатый рот и всклокоченные волосы неопределенного цвета.

– Ты же мог у него попросить, а он мог бы поделиться, – сказал мальчишка. – Но ты все норовишь себя молодцом показать, а сам трус. Катись отсюда, пока я тебе тоже не вломил.

Рваная Шапка погрозил кулаком и убежал, держась за нос. Мальчишка подошел к Ангусу:

– Я тебя знаю, ты сын старой Нэнни Глупой Головы. Это наша улица. Чего тебе тут?

– Я убегал, – ответил сквозь зубы Ангус. Сердце у него неровно стучало в груди. – От стражников.

– Ого! – присвистнул мальчишка и расхохотался. – Ну, это дело мне знакомо. Хлеб-то у них, что ли, стянул?

– Ага, – кивнул Ангус. Мальчишка внезапно ему понравился.

– Я – Ланси Ласка, – шутливо поклонился паренек. – Я давно за тобой наблюдаю.

– Зачем? – насторожился Ангус.

– Ну, – склонил голову к плечу Ланси. – Интересно же, что сказки старой Нэнни насчет ее сына оказались правдой.

Ангус стиснул зубы и исподлобья глянул на Ланси. Но тот смотрел только на хлеб в его руках. Ангус догадался, что новый знакомый тоже голоден.

– Хочешь? – протянул он свою добычу мальчишке.

Ланси расплылся в улыбке. Он забрал буханку и разломил пополам. Обкусанную половину вернул Ангусу, а во вторую тут же впился зубами.

– Пошли, чего покажу! – подмигнул он Ангусу и двинулся по улице, торопливо жуя.

Ангус побрел за ним.

Хлеб закончился очень быстро. Ланси знал трущобы как свои пять пальцев. Он рассказывал Ангусу, кто из встречаемых чем живет, и мальчик молча ужасался тому, сколько вокруг пьяниц, воров, фальшивомонетчиков и всевозможных негодяев.

Ланси объяснил, что трущобы принадлежат двоим – Толстому Финаду и Карри Убийце.

– А как же Брес? – спросил Ангус, но Ланси только расхохотался в ответ.

– Какому королю есть дело до помоек? – отсмеявшись, фыркнул он. – Кто бы ни сидел на троне, у помоек свои короли и королевы. Мне повезло, я попал к Толстому Финаду.

– Попал? – переспросил Ангус. – Ты тоже воруеть?

– Нет, – покачал головой Ланси. – Я танцую на веревке. Ворую только сам по себе, когда захочется.

– Как это – танцуешь на веревке? – поразился Ангус, представив себе какой-то ужас.

– Представление на площади, – Ланси встал на одну ногу и помахал руками в воздухе. – Финад держит всех уличных акробатов, актеров, певцов, шутов, огнеглотателей, канатоходцев и прочих. Но два самых его любимых представления – наше, «Танцоры ветров», и «Страсть огня». Он же сам когда-то выступал на канате, пока...

– Пока не растолстел? – улыбнулся Ангус.

– Нет, пока не упал с высоты трех домов и не сломал себе спину, – серьезно посмотрел на него Ланси. – Но это не отбило у него любовь к танцам на веревке. Правда, теперь за него танцуют другие. Хочешь посмотреть?

– Конечно, хочу! – закричал Ангус.

После упавшего с телеги хлеба это была вторая настоящая радость с тех пор, как служанка, убегавшая из охваченного огнем и смертью дворца, швырнула его в сточную канаву, откуда его потом выловила Нэнни.

– Тогда пойдем гулять, пока вечер не придет, – заявил Ланси. – Большое представление вечером. Сегодня четвертый день недели, на площади вешают и рубят головы, так что дневного представления нету.

– А ты будешь вечером выступать? – спросил Ангус. Глаза у него блеснули от азарта.

– Нет, – скис Ланси. – Я еще не настолько хорошо танцую, чтобы меня перед публикой выпускали.

Они долго бродили по закоулкам и улицам, Ангус успел снова проголодаться, но тут Ланси вдруг исчез и спустя несколько мгновений вернулся с двумя краденными пирожками. Мальчишки помчались прочь, хохоча и пытаясь запихнуть горячее лакомство – как оказалось, с яблочной начинкой – в рот прямо на бегу.

Когда они доели добычу Ланси и Ангус облизал липкие пальцы, он вдруг понял, где они находятся.

На Сером пустыре, за площадью. Здесь на общем погосте были зарыты его мать и отец. Ангус, не слыша болтовни Ланси, медленно двинулся туда, где между могильных насыпей и куч мусора бродили бездомные собаки.

Ослепший от слез, ничего не видя перед собой, он сам не знал, куда бредет и зачем. И даже не сразу понял, что в кого-то врезался.

– Эй, эй, малявка, ты хоть перед собой смотри, – раздался сверху насмешливый голос. – А то снесешь и не заметишь.

Ангус поднял глаза и застыл, словно сосулька. На него смотрел самый жуткий и огромный человек из всех, кого мальчику доводилось видеть за свою недолгую семилетнюю жизнь.

Его отец, Старший Ворон, был рослым – ростом с самого короля Эннобара, славившегося своей статью. Брат его отца, Гордый Ворон, был еще выше, да и среди гвардейцев его сотни встречались настоящие великаны. Но этот превосходил их всех.

Голова его была наголо обрита, бороду незнакомец не носил, только светлые усы спускались вниз по углам рта. В правом ухе висела блестящая серебряная серьга, толстая и тяжелая. Нечеловечески широкие плечи переходили в мощные руки, на которых буграми вздувались громадные, как у быка, мускулы. Из верхней одежды на незнакомце была лишь перехваченная поясом меховая безрукавка, и Ангус мог видеть размытые контуры татуировок. Они почти сплошь покрывали его жуткие руки, переползали на шею и заканчивались под подбородком мечи, языки огня, волки, медведи и вздыбленные кони. Но страшнее всего были глаза – светлые, льдистые, внимательные. В них затаилось что-то опасное, как в глазах крупного хищника.

На пышных усах налипла подсолнечная шелуха. Он разглядывал Ангуса и щелкал семечки из горсти.

– Так на могилы загляделся, что глаза потерял? Любишь на покойников попятиться? Либо на дураков? Тут и тех и других хватает.

В глазах у Ангуса потемнело от злости. Здесь лежали все, кого он любил. И никто, никто не мог так о них говорить.

– Нет, – он запрокинул голову, чтобы смотреть прямо в страшные глаза. – На покойников не люблю. На дураков намного интересней!

Бритый оскалился в ухмылке, его ручища метнулась с невероятной скоростью и сгребла взвизгнувшего Ангуса за волосы.

Незнакомец ловко подкинул мальчика в воздухе и перехватил той же рукой за одежду на груди. Поднял повыше к глазам. Беспомощный Ангус, задыхаясь, болтался в воздухе и что есть силы лупил по каменному запястью, отбивая себе ладони.

Льдистые глаза внимательно рассматривали его. Ангус тоже в них вгляделся. Глаза были серые. Слишком светлые. Слишком холодные. Слишком пронизательные – они видели мальчика насквозь. Желудок свело от страха.

– Ты не с улицы, – сплюнул в сторону шелуху бритый. – Ты откуда-то из богатого дома. Спрятался во время резни. Всего боишься. Грязный, но все еще думаешь, что кто-то придет и спасет тебя. Чем скорей поймешь, что никто не придет, тем лучше. Научись сквернословить, воровать и врать, тогда, может, выживешь.

Ангус хотел ответить, что ни на что не надеется, что все, кто мог бы прийти за ним, умерли и лежат в этих безымянных могилах, и собаки воют над ними, но не смог выдать ни слова.

Бритый вернул его на землю и приказал:

– Подставь ладонь.

Ангус заворуженно подчинился. Нагнувшись с высоты своего нечеловеческого роста, незнакомец насыпал ему полную горсть семечек. И пошел дальше. Ангус так и остался стоять, глядя ему вслед, с раскрытым ртом и колотящимся сердцем.

– Ну, ты даешь, – послышался знакомый голос.

Бледный от страха Ланси осторожно приблизился к нему мелкими шажками.

– Знаешь, кто это был? – выдохнул он.

– Нет.

– Это Куланн Две Половины, – пробормотал Ланси. – Небеса всеблагое, я чуть штаны не намочил.

– Кто он? – спросил Ангус, чувствуя, как ветер леденит его мокрую от пота спину.

– Третий тысячник Вольного воинства. Серьгу-то в ухе видел? Наемник, из тех, что брали город вместе с Бресом.

– Почему его называют Две Половины?

– Потому что он одним ударом разрубает человека пополам, вместе с кольчугой и доспехами от макушки до седла, – судорожно сглотнул Ланси, глядя перед собой потемневшими глазами. – Говорят, что в своей первой битве он умер на поле боя, но Безносая Богиня, танцевавшая на трупах, наклонилась и поцеловала его, и он снова встал и взял в руки меч. Говорят, его нельзя убить, потому что на самом деле он и не живой по-настоящему, а человека для него прихлопнуть все равно, что муху.

Невольно сжав руку, Ангус почувствовал, как что-то впилося в кожу. Он опустил взгляд и увидел – семечки.

* * *

Куланн кивнул дежурному у входа в казармы. Раньше здесь останавливались воины знатных гостей Эннобара, теперь с удобством расположились наемники. Вольным воинам нечасто доставалось такое роскошное жилье, да еще и приспособленное специально под нужды войска.

Куланн поднялся на второй этаж и вошел в большую захламленную комнату. Посредине стоял широкий стол, уставленный едой и вином, и за ним в одиночестве трапезничал косматый седовласый здоровяк.

– Не подавись, Лютвин, – ухмыльнулся Куланн.

Он обошел стол, плеснул себе вина и развалился на лавке рядом с толстяком.

– Не дожدهшься, – рассмеялся Лютвин, отчего его сытое брюхо заходило ходуном, а серьга в ухе качнулась, блеснув в свете свечей, – и еще усердней вгрызся в мясо. Куланн тоже взял себе кусок.

– Вечером на игру собираемся, – Лютвин слизал жир с пальцев и подмигнул. – Хочу обставить парней и отыгаться за прошлую. Пойдешь?

– Да ну, – зевнул Куланн. – Не понимаю я этой вашей радости.

– Ты не азартен, – ухмыльнулся Лютвин. – Холодная кровь.

– Не азартен, – согласился Куланн. – Я даже в сражении всегда голову ясной сохраняю.

– Вы, лугайдийцы, все такие, – кивнул Лютвин. Холодная кровь и светлые усы. И Брес такой же.

– Не, – поморщился Куланн. – Брес любит кровь. Он не любит убивать сам, но ему нравится смотреть, когда другие убивают для него.

– А ты, значит, не любишь? – расхохотался Лютвин, забрызгав каплями жира свою кожаную куртку.

– Если я б еще что умел, то не убивал бы, – пожал плечами Куланн. – Но я больше ничего не умею, кроме как мечом махать. Не милостыню ж просить на площадях.

Оба расхохотались, и Лютвин протянул Куланну свой кубок с пряным красным вином. Тот залпом осушил его и вернул.

В коридоре послышались быстрые шаги, и пару мгновений спустя дверь распахнулась настежь и в комнату ввалилась женщина в помятых потускневших доспехах. В ухе у нее ярко сверкала серебряная серьга наемника. Вторая серьга блестела в носу, а во втором ухе висело сразу несколько тонких серебряных колец. Короткие темно-русые волосы свисали вокруг лица неровными лохмами, серые глаза смотрели исподлобья. Нос был чуть свернут на сторону, а губы с левой стороны кривились, захваченные паутиной шрамов. Куланн знал, что такие следы остаются на лице от удара латной рукавицей. Остаются навсегда. Он в который раз вспомнил, как нежна и миловидна была эта женщина в юности. Но сейчас Куланн не захотел бы лечь с ней в постель – слишком мускулистыми выглядели ее плечи и руки, а злость в глазах внушала неприязнь. – Привет, Ильди, – выпрямился Лютвин.

В ответ женщина подбоченилась и разразилась такой отборной и похабной бранью, что мужчины недовольно скривились.

– Все жрешь, скоро в тебе дерьмо помещаться перестанет! – орала Ильди грубым низким голосом. – А там двоих ребят упекли за решетку!

– За что? – хмуро спросил Лютвин.

– За драку в борделе! – Ильди пнула пустой стул. – Солдаты милого Брайена взяли их пьяными и уволокли. Я пошла разбираться с самому Брайену, так эта тупая тварь меня даже не порог не пустила. Велел прийти мужчинам.

Тут Ильди задохнулась от злости и снова принялась сыпать ругательствами.

– Ладно, я сам завтра с утра к нему схожу, – вздохнул Лютвин. – Прекрати браниться, уши вянут.

– Завтра? – заорала Ильди. – Что, им всю ночь сидеть в камере из-за того, что лорду Брайену класть на наемников? Он нас не уважает! А вы сидите тут и пьете! Дерьмо вы после этого!

– Ильди, уймись, – неохотно вмешался Куланн. Брайен – глава Таумрата до возвращения Бреса. Он издал указ, запрещающий драки, город на военном положении. Парни сами виноваты, посидят ночь, протрезвеют.

– Парни виноваты? – Ильди набрала в грудь побольше воздуха. – То есть это мы все виноваты в том, что торчим тут за городскими стенами, вместо того, чтобы сражаться за золото? А не вы ли с Лютвином, два трусливых пса, решили на сборе, что мы перезимуем здесь до прихода Бреса?!

– Да, мы решили, и что? – сдвинул брови Куланн.

– А то, что парни скоро на стену полезут! – рявкнула Ильди. – К демонам Бреса и зиму вместе с ним! Почему мы должны сидеть в городе, когда мы – наемники и зарабатываем мечом?

– Брес хорошо нам заплатил, – отрезал Лютвин.

– Заплатил, – скалясь, передразнила Ильди, и во рту у нее, с левой стороны, тускло блеснули два железных зуба. – По двадцать сраных серебряных монет каждому и по десять золотых – сотникам и тысячникам. Это, по- твоему, хорошо?

– А что, плохо, что ли? – огрызнулся Лютвин. – Ты когда получала больше? Войны сколько лет не было.

– Но сейчас война повсюду! – топнула ногой Ильди. – Почему мы должны сидеть тут на заднице?

– Потому что мы ждем Бреса, – терпеливо объяснил Лютвин. – Он пойдет на Приморье по весне и снова наймет нас. Это его слова.

– И что? – скрестила руки на груди Ильди. – Мы что, королевская гвардия и на верность ему присягали? Мы свое отработали и теперь можем идти, куда хотим. Мы наемники, мы продаем свой меч, а не руку, держащую его.

– Заткнись, дура, – не выдержал Куланн, которого этот разговор начинал мало-помалу злить. – Кто наймет воинов, предающих нанимателя?

– Репутация тоже наш заработок, – согласился Лютвин. – Чем больше нам доверяют, тем щедрее платят и охотней нанимают. Предатели никому не нужны. Ну сорвешь ты денег один раз, а потом что? Обратно на большую дорогу грабить пойдешь?

– Я никогда не грабила на большой дороге! – зашипела Ильди. – Захлопни свою гнилую пасть, жирный боров, нечего всех по себе судить! Мы не клялись Бресу на мечях и не обязаны хранить ему верность, словно законная жена! Мы сами можем пойти в Приморье – Кулен собирает армию против Бреса и платит чистым золотом! Ему нужны воины, и он заплатит нам в три раза больше этой тупой скотины Бреса!

– Откуда это у короля Приморья золото? – недоверчиво спросил Лютвин. – Корабли ушли с началом войны, торговля встала. Да еще фоморы кусают его за пятки.

– Не знаю, откуда, но золота у него полно, если верить слухам, – заявила Ильди. – Он даже фоморов купил, они приведут корабли и воинов для драки с Бресом. Если бы вы меньше пили, а больше войной интересовались, то знали бы последние новости.

Куланн и Лютвин переглянулись.

– Золото! – наклонилась к ним Ильди.

У нее были странные глаза – светло-серые, с почти черной каемкой. Всегда злые и насто- роженные, как у бездомной кошки.

– На что тебе-то столько золота? – спросил Лютвин. – Ты ж его на шлюх и вино не тра- тишь.

– Мне надо больше, – дернула плечом Ильди. – Надо смотреть вперед. Настанет день, когда я не смогу больше махать мечом. Через четыре года мне исполнится тридцать. Чтобы спокойно встретить старость, нужны деньги. Я хочу свой бордель на Островах. С фонтаном и павлинами.

Лютвин расхохотался, Куланн только презрительно скривился.

– Ох, малышка, умеешь ты развеселить, – простонал Лютвин. – Малышка Смерть, не зря тебя так называют, с тобой иногда помереть от смеха можно. Видишь ли, мы тоже порой думаем о старости, и почему бы нам не остаться с Бресом? Наверняка если мы отличимся, он пожалует нам земли, а то и замки. Станем лордами. Чем плохо?

– Ни тебе, ни мне, ни даже этому, – Ильди презрительно кивнула на Куланна, – Брес не пожалует ничего. Он презирает наемников. Как только война закончится и мы станем не нужны, он выгонит нас ко всем демонам. Если не повесит. Разумно будет не дожидаться этого.

– Ильди, ты, конечно, неплохо дерешься, особенно для бабы, но рассуждаешь как обычная шлюха из трактира, – Лютвин перестал улыбаться. – Я ценю тебя с мечом в руке, но рта тебе лучше лишний раз не раскрывать, хоть и ругаешься ты великолепно. За вольных воинов решаем мы с Куланном, потому что нас выбрали парни. И мы решили остаться на зиму здесь, а потом выступить с Бресом. На этом все.

– Она и дерется, как шлюха, – проворчал Куланн. – Ты разве не видел, как рубится Лорелея? Вот единственная баба, способная носить меч.

– Ну и где твоя Лорелея? – оскалилась Ильди. – Она и то кинула Бреса, сбежала в горы.

– Потому что она в любом случае баба, и ее поступками руководит не разум, а желание раздвинуть ноги, – Куланн откинулся назад, привалившись спиной к стене. Сбежала за Гордым Вороном, стоило ему ее между ляжек потрогать.

– Он обещал ей замок, это все знают! – завопила Ильди.

– Как же, как же, – покивал Куланн насмешливо. – А то в горах лишние замки-то за каждым поворотом стоят. – Заткнись, пока я тебе зубы не вышибла! – Ильди схватилась за рукояти висевших у нее на поясе боевых топоров.

– Хватит! – рявкнул Лютвин и ударил рукой по столу. – Ильди, уймись. Разговор окончен. Иначе ты меня вконец выбесишь!

Ильди одарила мужчин злобным взглядом, развернулась на каблуках и вылетела вон из комнаты, шарахнув дверью.

– Несносная баба, – проворчал Лютвин, снова принимаясь за вино. – Дерется, как семь демонов, а ругается как десять. Боюсь представить, какая она в койке.

– Судя по количеству желающих, в койке она недурна, – ответил Куланн.

– Ладно, ну ее, только ужин испортила, – отмахнулся Лютвин. – Интересно, правда ли король Кулен разжился золотом? Но Бреса нам никак нельзя предавать. Он не тот, с кем можно вести двойную игру. Так ты идешь с нами вечером?

– Нет, – Куланн встал с лавки. – Наведаюсь во дворец. Мне тоже не нравится, что парни всю ночь проторчат в кутузке.

Стремительной размашистой походкой Куланн пересек площадь и оказался перед дворцовыми воротами.

Стража пропустила его: тысячника вольного войска все знали в лицо. Куланн прошел по длинной аллее и поднялся по мраморным ступеням. Наверху замерли безмолвные фигуры в доспехах и расшитых серебром плащах.

Назвав себя, Куланн буркнул:

– К лорду Брайену, по делу.

Наемника снова пропустили, правда, теперь двое стражников пошли с ним. Оба были ниже на две головы и настороженно косились на посетителя. Куланн не обращал на «караул» внимания, думая о предстоящем разговоре.

Неожиданно из темного прохода послышался женский голос – скулящий, жалкий. Из-за занавеси вылетела девушка, одетая в простое синее платье, а следом за ней – воин в гвардейской форме. Он схватил девушку за руку, и та снова вскрикнула.

Куланн остановился. Стражники тоже. Гвардеец обернулся на них и опешил. Однако руку девушки так и не выпустил.

– Что уставился? – грубо спросил он у Куланна. Не одним наемникам развлекаться.

– Что-то ты запоздал с грабежом, – хмыкнул Куланн. – Война закончилась, замок принадлежит Бресу.

– Вот именно, Бресу и его верным солдатам, – нагло заявил гвардеец. – Ты кто вообще, чтобы мне указывать?

– Тысячник вольных воинов, Куланн, – ответил Куланн. – Меня еще называют Две Половины. Может, слышал?

Гвардеец вытаращил глаза, побледнел и сглотнул. Куланн возвышался над ним, словно башня. Наемник нехорошо ухмыльнулся в светлые усы, краем глаза заметив, что девушка тоже смотрит на него с ужасом.

– Сдается мне, госпоже ты не нравишься.

– Это не госпожа, а певичка, – огрызнулся гвардеец. – Поет при дворе. И я вовсе не...

– Милая, ты хочешь его? – спросил у девушки Куланн.

Девушка покачала головой. Глаза у нее были чудесные – большие, синие, словно апрельское небо. Личико приятное, но ничем не примечательное.

– Я иду к Брайену и – можешь не сомневаться – расскажу ему, как гвардейцы Бреса паскудничают в его же дворце, – сказал Куланн.

– Лорду Брайену плевать на эту шлюху и на остальных, хоть бы я перетрахал их всех, – заявил гвардеец, но девушку отпустил.

Она замерла, растирая запястье.

– Все может быть, – согласился Куланн. – Но на тебя, подозреваю, ему тоже наплевать. Как думаешь, он сильно расстроится, если я тебе шею сверну?

Гвардеец выхватил меч, и тут же зазвенели, вылетая из ножен, клинки обоих стражников. Куланн рассмеялся – беззвучно, только грудь и плечи вздрагивали.

– Вы впрямь хотите, чтобы я здесь все кровью залил? – спросил он, ухмыляясь в усы. – Думаю, лорду Брайену это не понравится. Три изрубленных в куски трупов прямо во дворце. Стены и пол долго отмывать придется. А если еще и на потолок попадет...

Гвардеец издал невнятный звук и исчез в боковом проходе. Стражники почувствовали себя идиотами.

– Уберите мечи, – обратился к ним Куланн. – Не годится обнажать клинки, если не собираетесь ими поработать.

Взгляд Куланна потяжелел, плечи напряглись. Стражники переглянулись. Девушка стояла не шелохнувшись.

– Поди ко мне, милая, – обернулся на нее Куланн.

Девушка робко приблизилась. Она была бледна, в глазах стояли слезы.

– Как тебя зовут, милая?

– Эйнли, – дрожащим голосом произнесла девушка.

– Ты правда умеешь петь? – ласково спросил наемник.

– Д-да... я пою на праздниках, – пролепетала Эйнли.

– Это хорошо, – улыбнулся Куланн. – Моя сестра тоже любила петь... Если тебя будут обижать, приходи в «Золотого Льва». Я там пью по вечерам. Назовешь мне – кто, и я подарю тебе их головы.

Наемник подмигнул остекленевшей от испуга Эйнли и пошел дальше. Стражники затопали следом.

Брайен был в своих покоях. Куланн долго препирался с его личной охраной в дверях, но наконец о нем доложили, и временный правитель покоренной столицы велел пропустить посетителя.

– Если ты тоже по поводу этих недоумков, то нет, – бросил Брайен, не успев Куланн войти. – Если сами не можете своих разгильдяев уговорить, то это сделаю я. Мне не нужны волнения в городе, драки наемников и лишние грабежи.

– Да перестань, они просто сцепились из-за девки, – нахмурился Куланн. – Твои гвардейцы дерутся каждую ночь в кабаках и тех же борделях.

– И потом сидят в карцере.

– Я поговорю с парнями, завтра общий сбор созову. Больше этого не повторится.

– А если повторится? – поднял бровь Брайен.

– Если повторится, то следующих посадишь в тюрьму и высечешь плетью, я слова не скажу, – пообещал Куланн.

– Ладно, – помолчав, сказал Брайен. – Вы, наемники, слишком наглые, но что с вас взять? Скажи, чтобы позвали Даэрта. Передай ему, что я разрешил их выпустить. Но следующие, кто затеет драку, ответят по всей строгости.

Куланн ухмыльнулся, отвесил поклон и неторопливо удалился.

Найти Даэрта оказалось делом несложным. Колокол еще не прозвонил полночь, а Куланн уже вызволил двух незадачливых вольных воинов. Он поднял голову к звездному небу и вдохнул запах ночи. А потом зашагал по улицам прочь от дворца.

Город спал тревожным сном, только горели фонари над дверями увеселительных заведений да шныряли всякие проходимцы.

Огромная фигура Куланна и рукоять меча за его плечом распугивали всех. Даже шайки оборванных бандитов в самых тесных и темных переулках спешили убраться с его дороги. Наемник все шагал, летящими шагами меряя мостовую и ночь. Скоро улицы стали шире, вдоль них потянулись заборы особняков, а затем огороды простых обывателей, живших в добротных, но скромных домах. Куланн свернул в темноту, не обращая внимания на лай цепных собак, и вскоре перепрыгнул через знакомый забор. Кинувшийся было к наемнику сторожевой пес узнал его, приветственно заворчал и вильнул хвостом. Куланн потрепал его по ушам, подошел к сараю, оперся о стену плечом и устался на дом.

Время шло, но Куланн терпеливо ждал. Наконец тихо стукнула дверь, и стройная темная фигурка сбежала по ступеням и бросилась к Куланну. Он поймал женщину в объятия, нашел в темноте теплые губы и прижался к ним.

Она была горячее, мягкой, нетерпеливой, и ее возбуждение передалось ему. Куланн потащил ее к свинарнику. Свиньи хрюкали за загородкой, беспокойно толкались, почуяв присутствие хозяйки. Куланн уронил ее в сено, накрыл собой и торопливо задрал подол, целуя, куда придется. Она уже была готова и сама ввела его в себя. Извивалась под ним, кусала его плечо, чтобы не кричать, и надолго его не хватило.

Когда все закончилось, она поднялась, запахивая теплую вязаную шаль на плечах, нашла свечу и огниво, и крохотный огонек озарил ее лицо – некрасивое, веснушчатое, но такое милое и ласковое, что от него невозможно было оторвать взгляд. Густые тяжелые косы, маленькие хорошенькие уши, длинная белая шея, румяные губы и белые ровные зубы...

– Я уж и не ждала тебя, – тихо засмеялась она. Когда Кусай залаял, чуть не со стула не упала – как раз малыша укачивала.

– А я вот взял и пришел, – Куланн протянул руку и погладил ее по щеке.

Она прижалась щекой к его ладони. Глаза блестели от счастья, полная грудь тяжело поднималась под шалью.

– Дети спят? – спросил Куланн.

Она кивнула.

– А муж?

Она пожала плечами.

– Что он сделает с тобой, когда я уйду? – Куланн снова погладил ее по щеке.

– Ничего, – поморщилась она. – Он... Он хороший. И он тоже благодарен тебе.

Куланн усмехнулся, заложил руки за голову и закрыл глаза. Пахло сеном, свиньи ругались на своем зверином языке за стеной.

– Ты тоже хороший.

Он почувствовал, как она укладывается рядом и льнет к нему.

– Ты мог взять меня силой, – прошептала она, и голос ее дрогнул. – Мог убить моего мужа и наших детей. Я так испугалась, когда вы вломились на улицу... Ты был таким страшным: меч

в руках, и кровь течет по лезвию... Но ты всех выгнал, не дал своим людям разграбить наш дом. И просто попросил воды...

– А ты выставила на стол все, что у тебя нашлось, – улыбнулся в усы Куланн. – Я попробовал и понял, что пропал с концами. Ты готовишь не хуже моей сестры. Она тоже умела такие пироги с рыбой печь, хрустящие, маслом пропитанные.

– Она похожа на меня?

– Нет, – не сразу ответил Куланн. – Совсем не похожа.

Перед глазами всплыло лицо сестры: мертвые глаза смотрят в небо, мокрые волосы облепили шею, из ноздрей течет вода, водоросли вплелись в светлые, тяжелые пряди.

Женщина погладила его бритую голову и сказала:

– Иногда я думаю о том, как бы мы встретились, если бы у меня не было мужа и детей.

– Ну, – снова улыбнулся Куланн. – У нас был бы свой дом. Я бы по утрам приносил дрова и топил печь, чтобы ты не мерзла, кормил бы скотину, а потом мы бы вместе завтракали и ты бы подсовывала мне самые вкусные куски.

Она рассмеялась, уткнувшись ему в грудь, и спросила:

– Об этом ты мечтал в детстве?

– Нет, – Куланн приобнял ее одной рукой. – В детстве я был глупым и мечтал, что стану великим воином и женюсь на принцессе.

Она расхохоталась, и Куланн снова почувствовал желание. Одного ее смеха или взгляда хватало, чтобы у него в штанах все ожило.

– Честное слово. Я воображал, что какая-нибудь принцесса заблудится в нашем лесу, а я ее спасу. Принцесса, конечно же, в меня влюбится, и я уеду жить с ней во дворец.

– А теперь? – она закусила губу своими белыми зубками, а глаза все смеялись.

– Теперь я думаю, ни к демону мне никакая принцесса не нужна, что мне с ней делать? – добродушно улыбнулся Куланн. – Ты лучше всех принцесс.

Она наградила его поцелуем. Куланн перебирал ее косы, наслаждаясь ее запахом – хлеба, стиральной одежды, печи и молока. Запахом дома, уюта, счастья.

– Кстати, а где твоя сестра? – вдруг спросила она.

Куланн погладил ее лицо, не торопясь с ответом.

– Умерла, – сказал он наконец. – Бросилась в реку.

– Прости.

Она поторопилась снова его поцеловать, но Куланну уже не хотелось ласк. Женщина почувствовала его настроение.

– Если ты мне расскажешь, об этом никто не узнает, пообещала она.

Куланн гладил ее волосы. Почему-то он захотел рассказать ей все, впервые в жизни. Почему-то ему важно было, что она лежит и внимательно слушает.

– Мой отец был наемником, он пришел к нам в деревню с мечом на поясе, серебром в карманах и в рваных сапогах, – Куланн начал вспоминать. – Он учил меня сражаться. Я хорошо помню его. Он умер, когда мне было десять.

Перед глазами возникло лицо матери: опухшие от слез глаза, растрепанные локоны. И лицо сестры. Он давно не вспоминал ее.

– Когда это случилось, сестре было тринадцать, а мне – двенадцать, – вслух произнес Куланн. – Мы с ней очень дружили.

Снова воспоминание: как сестра в венке кружится в хороводе девушек, а он сидит с парнями и наблюдает за ними. И думает, что она красивее всех девушек в хороводе.

– Вскоре после смерти отца за мать посватался мельник, – сказал Куланн. – Говорили, что он забил свою первую жену до смерти, но мать думала, что без мужа не сможет поднять нас с сестрой. Она надеялась, что сестру скоро просватают, а чтобы ее взяли в хорошую семью, нужно было хорошее приданое.

Куланн закрыл глаза и отчетливо увидел: сестра смеется у колодца шуткам подруг. Солнце золотом горит на ее волосах.

– Но мельник...

Куланн словно снова услышал тот крик – задушенный стон. Долгие годы спустя голос сестры снова плакал наверху, скрипела кровать, а страшная тишина в доме говорила о том, что никто не спит. Куланн снова почувствовал тупую ноющую боль в сердце.

– Я не знаю, почему не вмешался, – сказал он. Я испугался, но не того, что он избьет меня. Он уже бил меня, и я не боялся. Просто я словно окаменел, не мог поверить в это. Не хотел поверить. Утром она спустилась к завтраку с синяками на лице, бледная, и ни на кого не смотрела. Даже на меня. Мать подавала на стол и ничего не сказала. И он тоже ничего сказал, ругался, как обычно. Все повторилось через несколько ночей, а потом снова. И снова.

В последнем воспоминании сестра уже не смеялась. Она сидела на бревне, привалившись к стене дома, и пустыми глазами смотрела на ленту реки. На щеке наливался свежий синяк.

– Ее увидели соседки, которые стирали, – с трудом выдавил Куланн. – Она бросилась в реку. Когда ее выловили, глаза у нее были открыты, а из носа текла вода, и водоросли вплелись в волосы.

Куланн замолчал. Женщина тоже молчала, даже почти не дышала.

– И я тогда взял топор и зарубил его.

Он до сих пор отчетливо помнил лицо спящего, его злой спросонья взгляд, мгновение спустя наполнившийся ужасом. Первый удар, раскроивший лицо. Темную кровь, хлынувшую из глубокой раны на лбу. Крик, завершившийся хрипом.

– Оказалось проще, чем я думал, – выдохнул Куланн. – Он умер быстро. Я забрал отцовский меч и сбежал. Мне было двенадцать, но я выглядел старше из-за роста. Я врал всем, что мне пятнадцать, и меня взяли в отряд наемников. Я на первом же постоялом дворе с ними познакомился. Они научили меня убивать.

Куланн замолчал, глядя в потолок пустыми глазами. У его сердца тихо дышала чужая жена, а за загородкой возились, повизгивая, свиньи.

Глава 6

Финела и Дикий Ворон сидели в Большом зале и уплетали кашу с мясом. Дикий запивал обед элем, Финела – теплым травяным настоем. Девочка чавкала и хватала куски мяса руками.

– Леди себя так вести не пристало, – оторвался от еды Дикий, усмехаясь. – А тем более будущей владычице Таумрата. Хотелось бы мне знать, куда смотрит Мэрид?

– Куда, куда, – проворчала Финела. – Куда еще, как не на тебя! Только и делает, что смотрит на тебя и пыхтит. Почему ты не возьмешь ее к себе в постель?

Дикий уронил в кашу мясную кость, и жижа брызнула ему на одежду.

– Ах ты, злобный маленький тролльчонок, – задохнулся Ворон, поперхнувшись смешком. – Да как ты...

– Да, я злая, очень злая! – махнула рукой Финела.

Пальцы ее блестели от жира, к ним прилипли крупинки овсянки.

– На что ж ты злишься? – откинулся на спинку стула Дикий.

– На тебя, – огрызнулась Финела.

– И за что ж это?

– Когда ты принесешь мне голову Бреса? – выкрикнула девочка. – Ты обещал! А сам все не несешь. Я хочу, чтобы ты его убил.

– Видишь ли, это не такое простое дело, как тебе кажется, – хмыкнул Дикий. – Я обещал и сдержу слово. Но тебе придется подождать. Надо ждать и слушаться Мэрид, учиться у нее манерам и рукоделью.

– Пусть она тебя самого манерам обучит, – надулась Финела. – Возьми ее себе в постель и учись на здоровье. – Тогда придется на ней жениться, – ухмыльнулся Дикий. – А мне пока не до того.

– Ха, – закатила глаза Финела. – Можно подумать, так нельзя, без свадьбы. Особенно тебе.

Дикий дернул челюстью, и глаза его опасно сверкнули. – Ты дерзишь. Следи за языком, когда разговариваешь со мной. Я старше, и я мужчина.

– А я – королева и говорю, что хочу, – заявила Финела. – Не хочу я учиться манерам и не хочу, чтобы Мэрид торчала в моей спальне день и ночь. И чтобы она вертелась перед тобой. Возьми ее себе в кровать, чтобы успокоилась уже.

– Этого я терпеть не собираюсь.

Дикий вскочил на ноги. Мгновение спустя визжащая Финела уже оказалось перекинутой через его колено. Дикий замахнулся, готовясь вlepить девочке шлепок, но в последний момент остановился.

– Нет, королеву лупить по заднице не годится, – задумчиво сказал он, глядя на извивающуюся Финелу. Я накажу тебя по-другому.

Он отпустил девочку. Утирая злые слезы, она скатилась на пол встала напротив его – хмурая, с растрепавшимися волосами и мокрым носом, действительно похожая на маленького злобного тролльчонка.

– Как ты меня накажешь? – требовательно спросила она.

– Не буду брать тебя кататься на Сумраке, – ухмыльнулся ей в лицо Дикий.

Финела раскрыла рот, на секунду онемев, а потом испустила истошный вопль:

– Нет! Ты не смеешь!

Дикий зло рассмеялся:

– Еще как смею, Ваше Величество госпожа Финела, – поддразнил он. – Раз ведешь себя так нагло, не будет тебе ни прогулок, ни Сумрака.

– Нет, нет, нет, ты гадина! – завизжала Финела и рыдая бросилась прочь.

Дикий пожал плечами и вернулся к обеду. С удовольствием доев кашу, он решил, что не грех посидеть камина в большом кресле, где обычно любила отдыхать его мать.

Огонь потрескивал, приятное тепло окутало тело. Вполуха слушая, как служанка убирает со стола, Дикий даже ненадолго задремал. Очнувшись, Ворон протер глаза, встал и вышел из Большого зала. И увидел, как мимо него туда поспешно проскользнула служанка.

– Что? – нахмурился он. – Чего тебе тут?

– Лорд Ворон, – пролепетала та. – Мы ищем...

– Кого? – схватил ее за локоть Дикий, чувствуя, как по спине прошла волна ледяного холода.

– Леди Финелу, – прошептала служанка.

Выругавшись, Дикий отпустил ее и бросился прочь по коридору. Мэрид он нашел в библиотеке. Рыжая девушка заглядывала под массивный стол из темного дуба.

Дикий одним прыжком оказался рядом с ней и схватил за пышные косы.

– Ты, дура, – прошипел он в лицо Мэрид. – Где девчонка? Почему ты не уследила за ней?

– Милорд, она же была с тобой, вы завтракали, а я меняла ей постель, – дрожащими от страха губами выговорила Мэрид. Глаза ее остекленели от испуга. – Но ее долго не было, и я пошла за ней в зал... Но там ее тоже не оказалось, а к себе миледи Финела так и не пришла. Я начала ее искать... И не могу... И мы...

Дикий отшвырнул ее к стене. Это был всего лишь грубый толчок, но Мэрид ударилась спиной о стену так, что у нее перехватило дыхание.

– Я взял тебя сюда, чтобы ты присматривала за девчонкой, а не текла от меня! – крикнул вне себя Дикий. – Ты понимаешь, что она законная королева Таумрата? Я доверил ее тебе, а ты оказалась глупой клушей! Если она не найдется...

– Найдется! – закричала Мэрид, протянув к нему руки. – Она не могла уйти из замка, ведь на ней не было теплой одежды!

– Пусть ее ищут все.

Все и искали, обшаривая замок от чердака до погребов и подвалов. Но Финела словно сквозь пол провалилась. Ее не было нигде, а Серый вместо того, чтобы брать след, только подходил к порогу и скулил в темноту. Дикий от злости пнул его.

– Ищи, ищи ее, – рявкнул он на пса. – Где Финела?

Серый снова заскулил и выскользнул во двор. Дикий с ненавистью глянул на Мэрид и шагнул следом.

Снаружи был пронизывающий ветер, в воздухе плясали мелкие колючие снежинки – вестники занимающейся пурги. Серый втянул ноздрями воздух, покружил по затоптанному и заснеженному двору – и остановился, чутко наострив уши.

Дикий обхватил себя за плечи. Ветер рвал его длинные волосы, а внутри все сводило от ледяного ужаса.

Из конюшни показался конюх и робко приблизился к хозяину замка.

– Милорд, я никак не могу вычистить Сумрака, жалким голосом сказал он. – Эта бешеная тварь словно с ума сошла. Совсем не подпускает к себе сегодня. Я хотел было задать ему сена, так он мне чуть клок мяса из плеча не выдрал.

– Да что такое? – заорал Дикий. – На что вы все годитесь? Одна за ребенком уследить не способна, другой с конем справиться.

– Сами посмотрите! – взвыл конюх.

Дикий покосился на Серого. Тот сидел посреди двора и нюхал ветер. Вид у пса был невозмутимый и умиротворенный. Слово он честно выполнил свою работу.

У Дикого едва ум не помутился от бешенства. Он пнул волкодава так, что тот с визгом умчался прочь.

– Приведи гончих с псарни, надо найти ее, пока пурга не разыгралась! – заорал он на конюха.

Тот кинулся исполнять поручение, а Дикий зашагал к конюшне. Ему безумно хотелось сорвать злость хоть на ком-то. Тем более, что в такую погоду разумней искать девчонку, если она вдруг сбежала из замка, верхами.

В конюшне было тепло. Лошади сыто вздыхали, постукивали копытами, переступая в стойлах. Дикий прошел по проходу и остановился перед самым дальним и большим денником. Там, во тьме, пошевелился Сумрак. Налитые кровью глаза глянули на хозяина из-за темной густой челки.

Дикий смотрел на жеребца, а тот стоял, не шевелясь. Замер, как будто его заколдовали.

– Что еще за новости? – свел брови Дикий. – Ты заболел, что ли?

Сумрак всхрапнул и встряхнулся. Но остался на месте. Дикий разворошил тюк сена, перегнулся через дверь денника, открывая задвижку.

Сумрак громко фыркнул и низко опустил голову, обнюхивая что-то в подстилке. Дикий не мог понять, с чего вдруг конь даже смотреть не хочет на корм. Обычно он готов был разнести стойло, только заслышав шаги хозяина и почуяв ужин.

Дикий наклонился, чтобы положить угощение для Сумрака на пол – да так и замер с полусогнутой спиной. Свернувшись клубочком прямо у громадных страшных копыт, спала сладким сном Финела. На зареванной мордочке застыло выражение покоя.

Дикий выпустил из рук сено и присел на корточки. Жеребец снова потянулся к девочке и обнюхал ее. Светлые волосы Финелы разлетелись под его жарким дыханием.

– Ах ты злобный маленький тролльчонок... – пробормотал Дикий, переводя взгляд с острых подкованных копыт на голову ребенка. – Ах ты горная ведьма с медвяными волосами...

Дикий похлопал коня по храпу, осторожно подхватил Финелу на руки и вышел из денника, не позаботившись закрыть дверь.

В замке он отдал сонную девочку заплаканной Мэрид, а сам вернулся к камину. Опустился в кресло и пробормотал себе под нос:

– Впервые в жизни я бы хотел получить совет от леди Ворон.

Глава 7

Красный сидел в своей комнате возле окна, при свете полной луны торопливо читая письмо брата. Ворон, нахохлившись, дремал на подоконнике.

– Он с ума сошел, – пробормотал Красный, разглаживая письмо на коленях. – Хотел бы я оказаться сейчас в нашей башне и как следует встряхнуть его за шиворот. Откуда только у него взялась такая дичь в голове... Впрочем, кроме дичи, у него в голове ничего отродясь и не было...

Красный уставился в окно – лунный диск застыл над беспокойным зимним морем. В дверь постучали, и в комнату заглянул король Кулен.

– Можно войти? – спросил он, шмыгнув красным распухшим носом.

– Конечно, – поднялся с кресла Красный Ворон.

– Думаю, можно приступать завтра, – Кулен потер руки, хрустнув пальцами.

Красный не ответил. По спине у него поползли мурашки. Осквернение могил не такой поступок, на который легко решиться. И Красный про себя изумлялся, откуда у дерганого, малодушного Кулена вдруг взялась такая сила воли.

– Все готово, – продолжал король. – Солдаты, телеги, факелы, все необходимое. Завтра надо выступать. Земля еще мягкая, но в любой момент с моря может подуть ветер, и тогда на холмах нам придется несладко.

– Что ж, – собрался с духом Красный. – Завтра – значит завтра.

Кулен молча взглянул на него, и Красного снова пробрал озноб. Ему показалось, что на лице короля Приморья появилась смутная тень – знак обреченности.

– Я очень любил Морну, – тихо сказал Кулен. И я не могу потерять Альпина. Он – все, что осталось от нашего рода. Корона Приморья должна перейти ему, а Брес пойдет на все, чтобы заполучить ее. Я должен сделать больше, чем в моих силах, чтобы Альпин сохранил жизнь и престол.

* * *

Они отправились в путь в предрассветных сумерках. Ветер дул ровный, береговой. Красный ехал рядом с Куленом, закутанным поверх лисьей шубы в меховой плащ. Король кусал губы и то и дело моргал – глаза у него слезились.

Красный обернулся – на стене стояли придворные. Чуть поодаль от них возвышалась статная фигура златовласого фомора Немед. Длинные сверкающие пряди плескались на ветру.

– Твоя затея никому не нравится, – сказал Красный. – Даже если у нас все получится, тебе этого не простят. А если ничего не выйдет...

– Наплевать, – отмахнулся Кулен. – Я придворным никогда не нравился. Им нравился мой отец, потому что позволял им делать все, что вздумается. И Эннобар нравился, потому что был похож на короля из легенды.

– Но твой трон держится на них, – развернулся в седле Красный. – С их отцами твой дед добивался для Приморья самостоятельности. А ты привел к ним фоморов.

– Сейчас мой трон держится только на страхе перед Бресом, – вздохнул Кулен. – В таком положении вести войну еще и с фоморами было бы самоубийством. Надо уметь забывать старые обиды, когда приходят новые беды.

– Знаешь, – задумчиво сказал Красный. – Ты оказался хорошим правителем. Гораздо лучше твоего отца сейчас я это понимаю.

– Насколько хорош был правитель, судить можно только после его похорон, – криво усмехнулся Кулен. – А вон, кстати, и курган Кондлы.

Красный посмотрел вперед – к горизонту уходила линия высоких, поросших кустарником холмов. Их лысые покатые вершины напоминали застывшие волны.

– Золото могли украсть уже до нас, – сплюнул на землю Ворон.

– Только не у Кондлы, – покачал головой Кулен. – Этот могильник слишком на виду, слишком глубок и хорошо засыпан, а самое главное, его охраняет проклятие. Говорят, через несколько десятков лет после смерти Кондлы какие-то воры попытались раскопать курган – и больше их никто не видел. Есть еще старая легенда о том, как один пастух заплутал ночью, оказался у кургана Кондлы – и увидел, как в холме распахнулась дверь и сам Кондла Сто Битв вышел под лунный свет. Его взгляд был таким страшным, что пастух поседел, а потом и вовсе умом тронулся. Таких историй много.

– Ты в них веришь?

– Я – нет, – дернул плечом Кулен. – Но люди верят. Сам подумай, как за сотню лет никто из расхитителей гробниц не добрался до его могилы? Страх – вот что удерживает воров.

Красный оглянулся назад – их воинов нельзя было назвать гордостью королевства. Идти за золотом Кондлы согласились разорившиеся крестьяне да самые нищие из бывших вояк. Их лица были угрюмы, взгляды опущены в землю. Видно было, что все жуткие предания о могиле Кондлы они считают чистой правдой и согласились на это безумие только от отчаяния, да еще утешая себя тем, что проклятие коснется лишь короля Кулена, который уже и так проклят.

Вдалеке начал проступать курган – огромная насыпь из камней, земли и песка, скрывающая могилу одного из самых страшных правителей прошлого столетия.

Кондла Сто Битв был одним из прадедов Эннобара. Согласно хроникам и передаваемым из поколения в поколение рассказам, в Кондле старая кровь ощущалась, как ни в ком. Мало кто мог вынести его пронзительный взгляд. Его волосы, заплетенные в две перевитые золотыми лентами косы, доставали до земли. А ростом он был почти в два раза выше обычного человека. По преданиям, Кондла мог оборачиваться волком, вороном и черным конем, видел ночью не хуже, чем днем, и умел предсказывать будущее. Например, он знал час своей смерти и заранее начал распоряжаться о похоронах и готовить себе величайший курган. Еще живым он взошел на смертное ложе, закрыл глаза навеки в подлунном мире и открыл их уже с обратной стороны жизни.

Красный посмотрел на курган и поежился – хмурое небо, тонкий посвист ветра, редкий туман, унылая приморская степь навевали мысли тревожные и неприятные.

Казалось, за их передвижением кто-то следит. Сверху долетел едва различимый звук. Красный запрокинул голову – в небе, мелькая среди туч, кружил ворон. Красному вдруг стало радостно: словно на мгновение он услышал смех Дикого в Большом зале Твердыни. На сердце потеплело.

– Говорят, Кондла был мудрым, справедливым и щедрым на золото, – заметил Ворон. – Может, он войдет в наше положение и разрешит забрать свой клад. Кстати, я до сих пор не могу понять, почему он захотел лежать здесь, а не в Таумрате.

– Как говорится в одной легенде, Кондла хотел смотреть на море, а не на Серые горы, – пожал плечами Кулен, шурясь от ветра. – Была у него какая-то история с ними, и после смерти он хотел оказаться от них подальше. То ли задолжал горной ведьме, то ли еще что. Есть и другая легенда: будто бы последняя возлюбленная Кондлы спустилась с гор, но уплыла морем и так и не вернулась, и поэтому он велел положить себя поближе к побережью, чтобы встретить ее здесь и вместе с ней вернуться в горы. – Красиво, – кивнул Красный. – А что говорят легенды насчет размера клада?

– Врут бессовестно, – улыбнулся Кулен. – Если в могиле лежит хотя бы треть сокровищ, которые в них расписывают, мы станем богаче всех ныне здравствующих королей.

Тут курган выступил из тумана во всей своей красе. От него так и веяло мрачной угрозой.

– Жутковатое местечко, – поежился Красный. – Поневоле начнешь верить в старые истории.

– Нам это на руку, больше вероятность, что клад до сих пор в могиле, – негромко ответил Кулен.

Король отъехал в сторону и приказал разбить лагерь. Небольшой отряд угрюмо подчинился. Воины бросали в сторону могильника настороженные взгляды. Не было слышно ни шуток, ни песен, ни перебранок.

– Начнем завтра после восхода солнца, – сказал Кулен, задумчиво глядя на курган. – Я начну копать первым. Прикажи выдать всем вина, надо как следует отдохнуть с дороги и отвлечься от дурных мыслей.

Красный подумал, что ему самому бы не помешало как следует выпить, но нельзя – надо сохранять трезвость ума. Он кивнул и пошел к обозу – выполнять приказ короля Приморья.

Глава 8

Брес в своем скупом обставленном кабинете и читал описание битвы столетней давности. Последней из тех ста, что выиграл король Кондла. Иногда Брес прерывал чтение и делал пометки в большой записной книжке, вставленной в красивый кожаный переплет с серебряным тиснением. В дверь постучали.

– Да? – сухо ответил Брес.

Вошел Брендан. Он поклонился и доложил:

– Лорд Райни просит принять его.

– Лорд, – поморщился Брес. – Какой он лорд? Торгует, как простой купчишка. Что за лорд, если он не служит богам или королю с мечом в руке? Только и делает, что изо дня в день считает монеты, разбирает товары и торгуется в своих лавках. Его отец и дед со стыда бы сгорели, оба пали в битвах во славу короны, а продолжатель рода стал барышником... Ладно, пусть заходит.

Брендан ушел и вскоре снова отворил дверь, пропуская вперед себя невысокого плотного человека.

Лорд Райни имел несколько медвежью внешность и одет был по-особенному: ватная куртка, обшитая стальными плашками, а поверх нее – котта из дорогой материи, покрытая золотошитьем и мелким жемчугом. Простые полотняные штаны были заправлены в сапоги из красной тонкой кожи, подкованные серебряными подковками и унизанные полудрагоценными камнями. Поверх котты плечи Райни покрывал роскошный прямой плащ из фастиана, подбитый белым горностаевым мехом.

Брес нахмурился. Плащ стоил целое состояние и при этом был неудобным. Такой имеет смысл надевать лишь по торжественным случаям, чтобы пустить пыль в глаза. Райни явился к нему, явно желая показать свое богатство. Специально накинул на повседневную одежду роскошный плащ, подчеркивая, что может себе позволить носить праздничный наряд и в будни.

– Рад приветствовать Ваше Величество, – изящно поклонился Райни.

Его плотно сбитая фигура двигалась с неожиданной грацией. Брес вспомнил, что Райни считался одним из лучших мечей Лугайда. Правда, служил этот меч не королю, не богам, а лишь самому Райни.

– Искренне поздравляю вас с победой, – приложил руку к сердцу Райни. – Вы вернули Лугайду былую славу. Я бы хотел с вашего позволения, вместе с другими лордами, установить на Площади Победы вашу статую, подобную статуям древних королей.

– Не стоит, – холодно ответил Брес. – Древним королям ставили статуи после смерти, а я пока к предкам не собираюсь.

Райни улыбнулся – открыто, добродушно. В его голубых глазах словно заиграли солнечные зайчики, а грубоватые черты лица смягчились. Брес вспомнил: еще про Райни говорили, что нет во всем Лугайде второго такого мастера обводить людей вокруг пальца.

– Что вы хотите? – в упор спросил Брес.

Райни закусил губу, рассматривая короля своими светлыми внимательными глазами.

– Дело в том, Ваше Величество, что меня привели сюда низменные расчеты, – наконец сказал он. – Видите ли, война – это очень, очень дорогое дело. Лорд-казначей собирается приказывать повысить подати. Особенно для торговцев. А это, боюсь, приведет к тому, что многим из них придется тяжело. Кто-то уйдет из Лугайда, а кто-то начнет проявлять недовольство.

– Плевать на недовольство торговцев, – резко ответил Брес. – Недовольные могут умирать. Я не потерплю, чтобы во время войны лабазники тряслись за свою мошну. – Ваше Величество, я осмелюсь напомнить, что именно эта мошна сейчас кормит Лугайд. Казна почти пуста, до сбора податей еще полгода. Кто, по-вашему, сейчас оплачивает все городские рас-

ходы? Уж точно не знатные лорды-воины. У них самих сейчас в карманах ветер гуляет, после победоносных походов.

К щекам Бреса прилила кровь.

– Мы взяли Таумрат с казной Эннобара, с богатой добычей, – процедил король. – Расходы покрыты.

– Эннобар успел опустошить свою казну для войны, там оставалось не так много золота, – возразил Райни. Не забывайте и о том, что сколько денег осело в карманах наемников. Которым вы, между прочим, до сих пор платите за то, что они поддерживают порядок в завоеванном Таумрате. Лорды также после победы получили от вас щедрые подарки – из той же казны Эннобара. Деньги, они как вода – чуть разожми пальцы, и вот уже стремительно утекают.

Для убедительности Райни сжал и медленно разжал кулак.

Брес молчал, уставившись на свои записи.

– Ваше Величество, я пришел не для того, чтобы огорчать вас печальными известиями о финансовых делах, мягко сказал Райни. – Я хочу уберечь вас от ошибок. Лорд Брендан и лорд-казначей Бриан пытаются разрешить проблему по-своему, но я, как представитель торговцев, не могу не предостеречь вас от этого опрометчивого решения. Когда корона ссорится с торговлей, она теряет золотой блеск.

– Не много ли на себя берете? – огрызнулся Брес.

– Не больше, чем могу унести, – улыбнулся Райни. – Вашему Величеству отлично известно, что первую оплату наемникам осуществили из моих личных средств. Не думаю, чтобы Вы так быстро забыли нашу последнюю встречу в этом самом кабинете.

Брес подкрутил усы. Двое мужчин смотрели друг на друга через стол.

– Я могу казнить вас за измену, лорд Райни, – медленно произнес Брес. – И не только Вас. А конфискованное имущество пойдет в казну. Это избавит меня от трудностей.

– Избавит, но только до конца зимы, – снова улыбнулся Райни. – А впереди – весна и новая война. Серые горы оказались крепче, чем Вам казалось, не так ли? Из Приморья доходят любопытные слухи... Без торговли казна снова оскудеет, и Вашему Величеству придется воевать с пустым карманом. А наемники не столь благородны, как лорды, и их преданность нужно щедро подпитывать серебром и золотом.

– Короче, – оборвал его Брес. – Что вы от меня хотите? Чтобы я приказал Бриану не поднимать подати для ваших друзей? И для вас?

– Я призываю Вас всего лишь не перекладывать всю тяжесть военных расходов на торговцев, а привлечь и знатных лордов тоже.

– Вы в своем уме? – уставился на него Брес. – Лорды выставили мне войско. Они истратили все, что у них было. Да, они получили награду, но как я могу требовать от них еще и золота?

– Не надо требовать от всех, – быстро отозвался Райни. – И не надо требовать взносов в казну. Можно получить деньги другим способом.

– Каким же? – раздраженно спросил Брес.

– Как приданое за невесту.

Брес ударил руками по подлокотникам кресла, а потом встал и беспокойно заходил по комнате.

– Да, да, свадьба и невеста хорошего рода, – проговорил он. – Я сам давно об этом думаю. Сейчас все от меня этого ждут. Королю нужна королева, трону нужен наследник. Но у меня совершенно нет времени этим заниматься. Я всецело занят делами войны и государства, мне совершенно не с руки устраивать смотр невест. Райни, вы можете мне помочь? Никто лучше вас не знает, где и у кого есть дочь на выданье, никто лучше вас не разбирается в гербах, родах и прочих тонкостях. Вы сумеете найти мне подходящую невесту?

– Да, Ваше Величество, – кивнул Райни. – Признаться, я думал об этом, и я мог бы предложить Вам несколько...

– Нет времени, – Брес ударил ладонью по столу. – Мне некогда заниматься смотри-нами. И меня совершенно не волнует внешность невесты. Главное, чтобы она была высокородной, достаточно здоровой, чтобы родить наследника, и имела богатое приданое, чтобы я мог покрыть предстоящие военные расходы. Найдите мне подходящую девицу, чья родня столь же богата, сколь и тщеславна, и готова купить себе родство с тронном, при этом находясь по происхождению не ниже четырех родов. У вас есть такая? – Думаю, Ваше Величество, что у меня есть именно то, что вам требуется, – ответил Райни, опуская глаза. – Эта девушка создана для вас.

Глава 9

Этне вышивала. Серебряные листья по зеленому шелку. Замысловатый узор, крошечные стежки. Рубашка брату, у него скоро день рождения. Стежок к стежку, так аккуратно, что знатные леди снова будут ахать и удивляться, передавая рубашку друг другу. Этне Сверкающие Пальцы – вот как ее называют за чудесное искусство. Хотя лучше бы люди замечали ее сверкающие волосы – единственное ее сокровище, единственное, что есть в ней красивого.

За дверью послышались шаги, и Этне испуганно подняла голову. Ее большие серо-голубые глаза уставились на двери. Те распахнулись, и в комнату вошел Келлах.

Каждый раз, сравнивая себя и брата, Этне поражалась тому, как от одних родителей на свет могут появиться настолько разные дети. Келлах был высок, широкоплеч, с красивым мужественным лицом, пронзительным взглядом. Его светлые волосы буйно вились по плечам, сворачиваясь в тугие кудри. Келлах никогда не мучился сомнениями, всегда твердо знал, что и как ему делать. Келлах не любил нежностей и глупостей, свято верил в богов и мечтал занять высокое место рядом с тронem. И дом его был ему под стать – повсюду дорогое пышное убранство, кладовые ломятся от запасов снeди, сундуки набиты одеждой. Все плотное, крепкое, добротное.

Нарушала картину благоденствия лишь младшая сестра Келлаха – маленькая, тоненькая, хрупкая, с испуганным личиком, детскими большими глазами, тихим голосом, пугливым нравом и слишком ранимой нежной душой.

Келлах остановился рядом с Этне – та прижала к груди вышивку. Келлах давно записал сестру в ненужные расходы. В свои шестнадцать Этне выглядела совсем ребенком, и признаков плодовитости в ней не было заметно. Взять такую в жены можно только польстившись на знатное происхождение или богатое приданое. Расставаться с деньгами прижимистому Келлаху совсем не нравилось, да и его молодая жена подливала масла в огонь. На третий год после свадьбы она уже носила под сердцем третьего ребенка, беспокоилась о благосостоянии своих сыновей – и не хотела, чтобы муж выделял золовке ее часть наследства.

Келлах поздоровался с сестрой. Покосился на ее волосы. Они против воли притягивали взгляд – густые, блестящие чистым светлым золотом, прямые, как волокна льна, вытянутого на станке, спадающие до колен. Волосы превращали Этне в волшебное существо, загадочного эльфа, но, увы, не делали ее ни статнее, ни здоровее.

– Добрый день, брат мой, – робко ответила Этне, опуская глаза. – Как здоровье моей сестры? В ее состоянии сон может быть беспокойным и коротким.

– Все с ней хорошо, – отмахнулся Келлах. – Мадб – крепкая женщина, вынашивать и рожать для нее как дышать. Третий ребенок, что ей будет? И я пришел поговорить не о ней, а о тебе.

Только тут Этне с изумлением поняла, что таким радостным она видела брата лишь один раз – когда ему показали его орущего первенца, здоровенного красного младенца, вопящего на весь замок.

– За тебя посватались, – выпалил Келлах. – И я дал согласие! С этого дня – ты невеста.

Этне замерла. Она знала, что последние три года единственной заботой брата было подобрать ей подходящего жениха. Келлах Белый Сокол был одним из богатейших лордов Лугайда, наследные земли его отца превосходили королевские, на них родилась лучшая пшеница в стране, его замки ломились от всевозможного добра, а охраняла их собственная армия, в черных плащах с нашитой птичьей головой. Но сестре Келлах искал либо старого вдовца, чтобы польстился на молоденькую, либо кого-то из старших сыновей богатых родов, желающих породниться с ровней и готовых за это поступиться приданым. Женихов было много, но Келлах все пыхтел и жался, поэтому Этне привыкла думать о свадьбе как о чем-то неизбежном,

но далеко, вроде старости или смерти. Новость ее ошеломила. – Этне, сестра, – Келлах схватил ее за руки. – Ты даже не представляешь, какая ты умница, какая ты хорошая! Я сегодня же пришлю к тебе девиц, и начинайте шить платье. Выделю отрезы лучшей золотой парчи, выделю серебряных ниток и все, что нужно. Должно выйти поистине королевское платье!

Этне не могла вымолвить и слова. Еще ни разу за всю жизнь Келлах не был с ней так ласков. Брат всегда отбирал у нее игрушки, жаловался на нее нянькам и матери, выдумывал ей прегрешения и хихикал, когда ее наказывали. – А... а кто жених? – наконец прошептала Этне.

– Ах, конечно, – спохватился Келлах. – Ты не представляешь, дорогая сестра, какая тебе выпала честь! К тебе посватался сам король Лугайда Брес!

У Этне потемнело в глазах, а во рту стало кисло. Пискнув, она сползла с кресла, угасающим сознанием успев уловить вопль брата, и провалилась во мрак.

* * *

Ангус стоял в толпе рядом с Ланси и, раскрыв рот, смотрел представление. На площади установили четыре деревянных столба, а между ними натянули толстые канаты. На канатах плясали юноши и девушки в ярких развевающихся одеждах. Они по очереди взбирались на столбы и отважно выходили на веревку. Кто-то пробегал ее с шестом в руках, балансируя на высоте трех человеческих ростов, кто-то выступал с веером или другими приспособлениями для удержания равновесия. Самые умелые канатоходцы обходились без шестов и прочего. Они даже умудрялись подпрыгивать и кувыркаться на канате, плясать и ходить на руках. У Ангуса сердце замирало при виде такого – ведь в любой миг канатный плясун мог сорваться вниз и рухнуть на камни площади.

Вдруг все разбежались, и в незаметно подкравшихся сумерках забили барабаны. На площадь, высоко поднимая над головой факелы, вышли фигуры в длинных темных плащах.

Толпа раздалась, освобождая место. Фигуры встали в круг и одновременно скинули плащи. Под ними оказались женщины в ярких коротких платьях, расшитых начищенными до блеска медными бляшками.

Еще одна женщина стояла посередине круга. От ее красоты у Ангуса захватило дух. При каждом движении под ее кожей играли и перекачивались упругие мышцы. Длинные черные волосы были гладко зачесаны в высокий хвост, перевитый алыми лентами, глаза казались темными как ночь.

Женщина скользнула вперед и легко вскарабкалась по веревочной лесенке на столб. Замерла, отведя руку. За ней взобралась вторая – и подала факел.

– Это Кайренн, Королева Огня, – прошептал Ланси. – Смотри!

Кайренн улыбнулась с высоты толпе и с факелом в руке шагнула на канат. Пламя билось на ветру, будто танцуя, и Кайренн подхватила этот рваный ритм.

Уверенно переступая сильными ногами, Кайренн пошла по канату, изгибаясь так, словно у нее не было костей, перекидывая факел из руки в руку. Когда она оказалась на середине, на столб с другой стороны взобралась еще одна девушка и бросила Кайренн второй факел. Толпа ахнула, когда Кайренн легко поймала его и подбросила оба факела в воздух. Глухо били барабаны, Кайренн стояла посередине каната, жонглируя факелами, а девушки внизу исполняли сложный танец с огнем.

Вдруг Кайренн швырнула оба факела высоко вверх, подпрыгнула, сделала сальто в воздухе – и опустилась на закачавшийся канат, успев поймать оба факела. Толпа выдохнула и восторженно заревела.

Кайренн пошла вперед, продолжая жонглировать. Она разворачивалась и подпрыгивала, заставляя толпу вопить от страха и восторга. Добралась до второго столба, снова изящно отвела

руку, а потом метнулась вниз. Факелы упали и погасли, но, когда Кайренн оказалась на земле, ей уже принесли два новых.

Начался другой танец. Кайренн кружилась, вскидывая руки и задавая барабанам бешеный ритм, выгибалась, словно языки пламени, а девушки вокруг подхватывали ее пляску и размахивали факелами.

Зрелище завораживало. Ангус заметил, что Ланси куда-то пропал, но не мог оторвать глаз от Королевы Огня. Когда представление закончилось, Кайренн поклонилась толпе, накинула плащ и ушла, а девушки принялись собирать плату за представление – зрители щедро кидали монеты прямо в подолы их коротких юбочек.

– Пошли, – вынырнул из толпы Ланси.

– Где ты был? – спросил Ангус, устремляясь за приятелем.

– Подбирал, что плохо лежит, – с ухмылкой подмигнул ему Ланси. – Ротозеи так клювы раскрывают, что можно шарить у них в карманах, ничего не опасаясь. Лучше нет места и времени для пощипывания, чем представление Королевы Огня. Ха-ха, вот увидишь сам, сколько парней сегодня будут хвастаться славной добычей!

Ангус поежился. Ланси обещал представить его Толстому Финаду и замолвить словечко, чтобы тот принял его в канатоходцы.

– Финад, вообще-то, добрый, – трещал Ланси. – Ты, главное, похнычь, как тебе плохо живется, но не выказывай боязни. Финад любит бойких. И еще, если он будет тебя просить согнуться по-всякому или попрыгать, то ты старайся, чтобы он увидел все твои возможности. Он ведь кого попало не берет, тут способности нужны.

Ланси повел Ангуса узкой улочкой, петлявшей между деревянными двухэтажными домами. Их обитатели держали окна нараспашку, и наружу неслись брань, пьяные крики, женский визг, собачий лай, детский плач и еще сотня других резких звуков, складывающихся в нестройный гул. Между домами были перекинута доски, а где и вовсе деревянные настилы, отчего на улочке царила темень. Под ногами булькала грязь. Но Ланси уверенно спешил вперед, чудом находя дорогу.

– Чего? – раздался грубый оклик, и огромная смутная тень заступила мальчишкам дорогу.

– Ланси Ласка, Финаду новенького веду, – визгливо крикнул Ланси.

– Хреновы оборвыши, шлаетесь тут, одна суматоха от вас, – проворчала тень. – Утопить бы тебя в канаве, недоносек.

– Сам тогда будешь на веревке плясать, – буркнул Ланси, хватая Ангуса за руку и увлекая его внутрь мрачного дома.

– Поговори мне еще, гаденыш! – рявкнула тень, и Ланси пролетел вперед, получив грубого пинка.

– Вот гад, – проворчал он, потирая ушибленное место. – Ничего, он как пить дать потанцует на веревке, только веревка будет вокруг его грязной шеи. Свинья пропитая!

В доме весь первый этаж занимала одна большая комната. В ней стояли столы, лавки и горело несколько очагов. У них сушили лохмотья, грелись и жарили-варили еду всевозможные оборванцы, яркие бойкие красавицы, толстухи с детьми, уродливые старики и отвратительные нищие. – Добро пожаловать на Дно, – ухмыльнулся Ланси.

Ангус поежился. Этот дом ему очень не понравился, а люди тем более. Но деваться было некуда – сам бы он обратной дороги ни за что не нашел, да и страшно бродить хмурой ночью в таких местах.

Ланси побегал вокруг очагов и вскоре нашел, кого искал, – крепкого бритого парня, который, поджав ноги, сшивал какие-то разноцветные тряпки.

– Майлс, что там Финад, занят? – присел на корточки Ланси, заглядывая парню в лицо.

– У него Кайренн, – неохотно ответил тот. – Выручку вечернюю подсчитывают. А тебе чего?

– Вот, новенького привел, – мотнул головой на Ангуса Ланси. – Чумовой мальчишка. Зуб за него даю.

– Было бы, что давать, – смерил Ангуса неприязненным взглядом парень. – Видок у него слишком хреновый. Трус, сразу видно. И глаза злые. Дятел готовый.

– Сам ты... – начал было Ланси, но прикусил язык.

– Что сказал? – Майлс грозно приподнялся. – Повтори.

– Сам ты трус! – не вытерпел Ангус и шагнул вперед, становясь плечом к плечу с другом. – Каждый может кулаками на тех, кто слабее, махать.

– Что-о? – округлил глаза в изумлении парень. – Это ты, блоха, мне сейчас говоришь?

Ангус сжал кулаки и пригнул голову. Он очень устал, проголодался и дошел до той степени безразличия, когда явь путается с мечтами. Ему было все равно, он готов был нарваться на драку.

– Майлс, сам-то давно в блохах ходил? – раздался ленивый голос откуда-то из угла. – Чего-то я прослушал, когда тебя Финад Пыльным Лордом назначил. Отвали от Ланси, у него нюх – дай Небеса каждому. А ты, Ланси, не суетись, а вали уже со своей блохой к Финаду, и пусть он сам разбирается. После того как этот дурачок ногу сломал, остальные не больно рвутся на веревку, и он недавно ворчал, что за хорошего мальчишку серебра не пожалеет.

Ланси просиял, схватил Ангуса за его шаль и поволок за собой к крутой шаткой лестнице.

Наверху было тихо и пусто. Длинный коридор уводил в полумрак, освещенный только узкими полосками света из полузакрытых или запертых дверей. За дверями жили – негромко смеялись, шептались, ходили.

– Покои Пыльных Лордов, – вздохнул Ланси. У каждого своя, отдельная комната, а то и две. Представляешь? Целых две комнаты для одного человека и его подстилки. Вот что значит ловко воровать.

– Здесь живут воры? – Ангус остановился, не веря своим ушам.

– А кто еще? – удивился Ланси. – Финад держит Гильдию воров и попрошайек. Канатоходцы, шуты, площадные актеры, бродячие артисты, барды, нищие, калеки – все ходят под его началом. У каждого свое ремесло, но со всеми держи ухо востро.

– И Кайренн? – уныло спросил Ангус.

– Кайренн была гулящей, – пожал плечами Ланси. В доме радости работала. Потом, дура, влюбилась в гостя и залетела от него. Помереть бы ей в луже зимой, если бы ее не подобрал Финад.

Ангус раскрыл рот, но так и не смог ничего сказать. Ланси тем временем прокрался на цыпочках вперед и кивнул в конец коридора.

– Там Финад живет. Сейчас послушаю, чем он занят, и постучим.

За плотно притворенными дверями скрывалась просторная, жарко натопленная комната. Большой камин, облицованный красными изразцами, грел на совесть. Окна были плотно закрыты ставнями и завешаны тяжелыми занавесями. По стенам висели на крюках всевозможные костюмы, причудливые маски с перьями и уродливыми личинами, музыкальные инструменты, веревки, шесты и прочие принадлежности площадных выступлений. На полу стояли сундуки с тем же барахлом. Все это создавало ощущение тесноты и духоты.

Рядом с камином возвышался массивный стол из темного дерева, а за столом, в огромном кресле, обтянутом мягким, уже протершимся синим бархатом, восседал огромный толстый человек.

Финад был лыс, его густые черные брови сходились на переносице, а из-под них сверкали слишком красивые для бледного одутловатого лица ярко-голубые глаза с по-девичьи длинными и пушистыми ресницами. Жирная туша умещалась в просторном кресле только благодаря тому, что торс Финада стягивал тугой кожаный корсет с твердой вставкой вокруг пояса.

ницы. Верх рубашки был расшнурован, и оттуда выглядывала густая черная поросль жестких волос.

Унизанными дорогими перстнями пальцами Финад сжимал серебряный кубок, тяжело отдуваясь, пил из него густое пряное вино. На столе перед ним столбиками стояли золотые, серебряные и медные монеты, тщательно рассортированные по достоинству. На высоком круглом табурете, изящно закинув ногу на ногу, сидела Кайренн и ловко составляла новые столбики.

Финад, следил за ее гибкими пальцами из-под полуопущенных тяжелых набрякших век. Губы Кайренн шевелились – она шепотом считала деньги.

– Неплохая выручка сегодня, – пробасил Финад.

Его хриплый голос был под стать телу – густой, обволакивающий, убаюкивающий.

– У нас, – метнула на него пронзительный взгляд Кайренн. – Твои Пыльные Лорды не сильно старались.

Пальцем, украшенным золотым перстнем с большим драгоценным камнем, она указала на аккуратные столбики золотых монет.

– Это не их вина, – Финад отпил вина. – У людей нет денег. Город увяз в нищете. Золото есть только у наемников, но из их карманов оно течет лишь в таверны и дома радости. Это хорошая выручка, ласточка моя!

– У кого нет, а кто новые торговые лавки открывает, – поджала губы Кайренн. – Торговцы заново обогатились. А также те, кто сумел вовремя подсутиться и выказать Бресу почтение.

– Что поделать, жить-то как-то надо, – улыбнулся уголком рта Финад, опуская глаза. – Ты не меня ли упрекаешь, ласточка? Хотела бы ты, чтобы Толстый Финад вылез из своего кресла, взгромоздился на коня и поехал воевать против захватчиков?

– Ни за что! – ужаснулась Кайренн.

Она змеей соскользнула со своего табурета, метнулась на колени к Финаду, прижалась к его необъятной груди и притиснула свою нежную щечку к его обвисшей щеке.

– Ты сам вечно повторяешь, что у нас своя война – нищих против всех порядочных людей, – сердито сказала Кайренн. – С чего вдруг ты завел такие разговоры? – Может быть, в моей жирной груди не совсем еще заплывла салом совесть, – вздохнул Финад, поглаживая девушку свободной рукой. – А может быть, я тоже хочу вернуть Таумрату истинного короля, чтобы жизнь наладилась и в карманах горожан снова зазвенело золото и серебро.

Кайренн нежно обвела пальцем его лицо и прошептала:

– Я так люблю тебя!

– Я знаю, – ответил Финад. – Но все же не могу поверить.

– Все потому, что ты забрал себе в голову какую-то чушь про свою внешность, – Кайренн выпрямилась, упершись руками в его могучие плечи. – Почему нельзя поверить, что женщина может любить мужчину не за красоту, а за доброту? Ты спас меня, подобрал, когда я уже подумывала броситься с моста в реку. Ты дал мне свое тепло, свою нежность. Только с тобой я почувствовала себя по-настоящему желанной. Когда я ночью сплю, уткнувшись в твое плечо, я иной раз плачу от счастья, что встретила такого мужчину в этой клятой жизни. Не смей говорить мне гадостей про себя. И не смей через слово поминать свой живот. Посмотрела бы я на кого другого на твоём месте – кто, сломав спину, смог бы не только встать на ноги, но и ходить, и даже на коне ездить!

Глаза Кайренн горели, губы вздрагивали.

– Ну-ну, успокойся, – усмехнувшись, снова притянул ее к себе на грудь Финад. – Когда ты злишься, мне становится страшно.

Кайренн громко фыркнула ему в рубашку. Финад гладил ее по блестящим густым волосам, а сам думал, что, возможно, когда-нибудь поверит в ее искренность. Он хотел верить, но слишком велики были ее красота и его уродство. «Когда-нибудь, – думал Финад, – я расскажу

Кайренн, что все следившие за ней по его приказу свидетельствовали о ее верности». Он знал: она отказывала смазливому молодому ворам, отвергала одаренных бардов и дерзких плясунов, гнала прочь посланцев богатых купцов и даже царедворцев, хотевших купить ночь ее ласк за золото и дорогие подарки.

Кайренн спала только в его постели, в этом Финад не сомневался. Но не мог до конца поверить, что и в ее сердце есть место лишь для его грузной, заплывшей салом туши.

В дверь поскреблись. Кайренн недовольно выпрямилась на коленях у Финада и крикнула:

– Кто еще?

– Ланси, Ланси Ласка, – пропищали из коридора. – Я привел Финаду новичка для танцев на веревке.

– Вот засранец, – ухмыльнулся Финад. – Ланси далеко пойдет, ласточка моя! Вот увидишь!

– Далеко, да не по канату. Он слишком трусит, чтобы стать хорошим канатоходцем. И грация у него, как у ошипанного каплуна.

Финад расхохотался. Дверь приоткрылась, и в комнату протиснулся, прижимая к груди свою шапчонку, Ланси, а следом за ним – настороженный Ангус. Кайренн застыла, так и впившись взглядом в лицо новичка.

– Доброй ночи, мастер Финад, – учтиво поклонился Ланси. – Это вот Ангус, сын старой Нэнни, которая роется в мусорных кучах и живет по левую руку от лавки красильщика Рунди, в подвале. Ангус хотел бы научиться плясать на канате.

Глаза Финада остановились на лице Ангуса. Мальчик поразился красоте этих глаз и их неуместности на отеком полном лице. Казалось, сквозь сделанную из сала маску на Ангуса смотрит властным взглядом заколдованный принц – и видит его насквозь. Ангус испугался, что его тайна раскроется.

– Ты не сын нищенки, – произнес Финад, продолжая рассматривать мальчишку. – Ты сбежал из богатого дома после захвата города, когда твоих родных убили солдаты Бреса. Сын Нэнни, ха-х! Как же!

Ангус почувствовал, что пол уплывает у него из-под ног. Откуда-то со стороны донесся голос Куланна, дающий совет. Ангус утер нос рукавом, набрал в грудь воздуха и так витиевато выругался, что у Финада глаза на лоб полезли, Ланси отшатнулся, а Кайренн раскрыла рот.

– Вот чего, – добавил Ангус и сплюнул на пол.

Финад изумленно расхохотался. Его тело заколыхалось в заскрипевшем кресле так, что задрожал пол.

– Мне нравится этот мальчишка, – утирая слезы, градом катившиеся по отвисшим щекам, заявил Финад. Откуда бы ты ни был, законы улицы ты усвоил хорошо. Не все умеют смотреть так, как Толстый Финад. Если будешь продолжать в том же духе, тебя вряд ли кто признает. Так, говоришь, ты хочешь танцевать на канате?

Ангус молча кивнул.

– А ты знаешь, что это только со стороны выглядит легко? – нахмурился Финад. – Ты знаешь, что я буду гонять тебя вместе с остальными по полдня, лупить почем попало, если не будешь слушаться – и ты так просто уже не уйдешь отсюда?

Ангус снова кивнул.

– И надеюсь, ты понимаешь, что плясать на канате – опасное занятие. Посмотри на меня, мальчик. Я тоже когда-то танцевал на площадях, пока однажды веревка не лопнула подо мной и моя спина не встретилась с булыжниками. Посмотри-ка, чем может закончиться твой танец.

Финад шлепком согнал Кайренн с колен, потянулся за тяжелым обтянутым тонко выделанной крашеной кожей костылем. Его толстое лицо побагровело, когда он рывком поднял свое необъятное тело из кресла. Финад встал живой горой, навалившись на костыль всем весом. Лоб его покрылся испариной.

– Видишь, мальчик? – прохрипел Финад. – Мой хребет не способен выдержать вес тела, и, если бы не корсет, я бы не мог ни ходить, ни стоять.

Ангус перевел взгляд на кожаное облачение, туго стягивающее тело Финада. Жировые складки выпирали из-под него во все стороны. Корсет глубоко впивался в полные плечи. Ангус только сейчас заметил, что они у Финада широкие и сильные, словно у борца, а руки – мощные и перевитые мускулами.

– Когда-то Финад не был толстым, а был стройным и красивым, – сказал Финад. – Девушки хотели с ним целоваться, а парни завидовали его ловкости. Но я считаю, что мне еще повезло, мальчик. Слишком много я видел тех, кто так и остался лежать на булыжниках – с разбитым черепом или переломанной спиной. Готов ли ты рисковать своей молодостью?

– Да, – твердо ответил Ангус. – Я не боюсь. Я хочу танцевать на канате.

Финад тепло усмехнулся и грузно опустился обратно в кресло.

– Покажи-ка мне, что ты можешь.

Ангус выступил вперед. Финад приказывал ему дотягиваться до носков ног, гнуться в стороны, откидываться назад, касаясь руками пола, прыгать и ходить на руках.

– У тебя послушное тренированное тело, мальчик, – наконец сказал толстяк. – Оставайся здесь. Спать пойдешь с Ланси. Вас покормят. Имя свое оставь себе. Теперь тебя будут звать, как прилипнет.

– Майлс назвал его Блохой, – хихикнул Ланси.

– Отлично, – ухмыльнулся Финад. – Так и будешь Блохой. Блохи высоко и ловко прыгают, самое оно. А теперь идите отсюда, у меня и без вас дел полно.

Мальчишки убежали, и Финад повернулся к Кайренн. Та смотрела вслед Ангусу остекленевшим взглядом.

– Что с тобой, ласточка моя? – Финад взял ее пухлыми пальцами за подбородок. – Чем тебе так не понравился этот малец?

– Он... – Кайренн не сразу смогла ответить. – Он слишком похож на *него*. Тот же цвет глаз, волос, те же черты лица, а, главное, взгляд – самоуверенный, упрямый, надменный.

– Просто ты скучаешь по своему мальчику, – вздохнул Финад. – Вот и видишь его в каждом сопливом упрямце. Я давно говорил – давай его привезут сюда.

– Нет! – Кайренн вскочила на ноги и заходила по комнате. – Я не хочу его видеть. Не могу. Он тоже слишком похож на *него*. Каждый раз, когда я на него смотрю на этот нос, этот лоб, эти глаза – я вспоминаю все свои унижения, вспоминаю, какой душой была. Я ведь влюбилась в него, как кошка. Настолько влюбилась, что даже призналась ему. Вешалась на шею, босиком за ним бегала. Каким жалким ничтожеством я была! А он только смеялся надо мной... Нет, нет, нет, не могу этого вспоминать!

Кайренн зажала руками уши и затрясла головой.

– Но ведь ребенок не виноват в том, что ты выбрала ему не того отца, – возразил Финад. – Подумай о своем невинном дитяте. Он растет, не зная материнской любви, не зная, кто его отец. Некому утереть ему слезы обиды, некому приласкать его.

– Я щедро плачу его кормилице, она хорошая женщина, – с раздражением бросила Кайренн. – Он ни в чем не нуждается.

– Каждое дитя нуждается в матери, – пожал плечами Финад. – Представь, как он плачет по ночам, и некому его утешить.

– Ему не с чего плакать, у него есть теплая постель и вдоволь еды, – насупилась Кайренн. – Хватит уже об этом. Не зли меня.

Финад покачал головой и улыбнулся.

– Не будем ссориться. Как бы то ни было, я люблю тебя, – мягко сказал он.

Кайренн снова забралась к нему на колени и принялась жадно целовать в губы, обнимая руками толстую шею, извиваясь от нетерпения. И тая в ее поцелуях, Финад, как всегда, забыл обо всех своих сомнениях.

Глава 10

Впереди показались городские стены. Гордый покосился на Лорелею, мрачно глядевшую вперед. Они почти не разговаривали после поединка. Ворон до сих пор злился на эту упрямую женщину, навязанную ему в попутчики.

– Теперь переговоры буду вести я! – твердо заявил он.

Лорелея бросила на Гордого равнодушный взгляд и дернула здоровым плечом. Вид у нее был вялый, вокруг глаз появились темные круги. Гордый подумал, что выбитое плечо причиняет ей боль, и его охватило злорадство – будет знать, как ввязываться в ссоры с лордами!

Гордый построил отряд, велел трубить в рожки и развернуть знамена. Лорелея ехала по правую руку от него, Бакстер, как самый знатный из лордов, – по левую.

Перед самыми воротами Гордый остановил отряд – со стен смотрели лучники с натянутыми тетивами, а на земле путешественников встречал отряд городской стражи во главе с тучным воином в доспехах.

– Кто вы такие и зачем идете в Голуэл? – крикнул он зычным голосом.

Гордый Ворон тронул коня и выехал вперед.

– Я – Гордый Ворон, четвертый сын Аодха Ворона, – прокричал он в ответ. – Мы пришли с Серых гор, из Твердыни Воронов, которой правит моя мать – леди Ворон. Мы хотим купить у короля Аэрина зерна.

– Я должен доложить о вас королю Аэрину, – ответил начальник стражи. – Ждите, если хотите попасть в славный Голуэл.

Гордый кивнул. Отряд приготовился ждать, а начальник городской стражи уехал. Лучники на стенах не теряли бдительности, остальные воины тоже были начеку. Гордый почувствовал себя униженным. То, что их, как нищих, оставили дожидаться под дверью, было несомненным свидетельством неуважения.

Король сенхиолов наверняка знал о неудачной войне, о падении Таумрата и гибели Эннобара, а также о том, что Серые горы теперь, по сути, находятся в осаде и их обитателям грозит голод. Добрый сосед не стал бы так обращаться с пришедшими за помощью в час нужды.

– Сдается мне, нам тут не рады, – проворчал Бакстер себе под нос.

Лорелея одобрительно покосилась на него, но Гордый сделал вид, что ничего не видел и не слышал. Ему осточертело, что эта женщина пытается им руководить и что дурак Бакстер, а вслед за ним и прочие, начинают все чаще и чаще прислушиваться к ее, а не его мнению. Ворону казалось, что он в отряде больший чужак, чем эта наемница, не знающая собственных родителей.

Ждали долго. День уже начал клониться к закату, когда начальник городской стражи вернулся. С ним приехал высокий крепкий воин, облаченный в посеребренную кольчугу и белый плащ, подбитый мехом.

– Лорд Уррэгад, – представился он. – Командир королевской гвардии. Король Аэрин поручил мне встретить вас, гости с гор, и проводить в город. К сожалению, сам он не сможет вас сегодня поприветствовать – занят важными государственными делами. Но он согласен встретиться с тобой, сын Аодха Ворона, и выслушать твою просьбу.

Гордый скрипнул зубами. Он был уже готов высказать этому надутому индюку в белом плаще все, что он думает по поводу короля Аэрина, а также его порядочности и гостеприимстве, но поймал на себе пристальный взгляд Лорелеи.

– Я крайне благодарен королю Аэрину за его доброту, – склонил голову Гордый. – Мы признательны городу Голуэлу за гостеприимство.

Уррэгад развернул коня, и Гордый махнул рукой своему отряду. Горцы вступили за крепостные стены столицы сенхиолов.

Все в городе кричало об изобилии: лавки ломились от товаров, повсюду на улицах стояли телеги приезжих торговцев овощами, готовой снедью, горшками и прочим. Даже бродячие псы выглядели упитанными и ленивыми.

Мягкая погода и близость моря, плодородная земля и правители, умело избегающие войн, привели этот край к процветанию. Проезжая мимо двух пьянчуг, в обнимку храпящих прямо в луже, Гордый почувствовал легкий укол зависти. Здесь было так мирно, безопасно и сытно – как в лучшие времена Эннобара. Гордый с тоской вспомнил мертвого короля в грязи, а потом – угрюмые строгие стены Твердыни и мрачные горы вокруг.

– Куда мы едем? – шепнула Лорелея.

Гордый очнулся и задал этот вопрос Уррэгаду.

– Вас разместят на лучшем постоялом дворе Голуэла, – почтительно, но с легким снисхождением отозвался тот. – Это самое роскошное место в городе, кроме, конечно, королевского дворца и поместий лордов Первого круга. Надеюсь, вы можете себе это позволить?

– Можем, – стиснув зубы, ответил Гордый. – Надеюсь, там достаточно просторно?

– О, не беспокойтесь, – рассмеялся Уррэгад. – «Золотой орел» принимал и более блистательные посольства с куда большей свитой.

Глаза у Ворона налились кровью. Но он закусил губу и сдержался, решив, что выскажет все самому королю. Если тот соизволит принять соседей в обозримом будущем.

Постоялый двор, обнесенный прочным забором из огромных бревен, походил на город внутри города. Главное здание в три этажа, сложенное из серого камня, напоминало небольшой замок, при нем имелась даже приземистая башенка. Вокруг «замка» теснились таверны, конюшни, кухни и прочие хозяйственные постройки. Массивные ворота стояли распахнутыми настежь, и встречать гостей высыпала целая армия слуг. Сытые, нарядно одетые, рядом с изможденными переходом, закутанными в шкуры горцами они казались знатными лордами.

Гордый заметил, как помрачнели его люди и как насмешливо смотрят сенхинолы на посольство Серых гор. Только на Лорелею поглядывали с любопытством, да на Хвата – с некоторым испугом. Щенок жался к коню хозяйки, злобно ворчал и показывал свои внушительные клыки.

– Они нас разорят, – пробурчал Бакстер. – Обдерут как липку, последние штаны отнимут, по миру с сумой пустят...

– Замолчи, – оборвал его Гордый, вспыхнув.

– На кой нам этот постоялый двор? – уперся Бакстер. – Мы что, короли или торговцы с Острова Зари? Встали бы лагерем у стен, чем сюда соваться. Так бы, может, их король быстрее сам к нам пришел или прислал кого. Нам ведь всего и нужно, что зерна купить. Зачем попусту тратить деньги на мягкие постели и жратву, если и так тепло, можно в палатках спокойно ночевать?

– Затем, что мы не должны выглядеть голодранцами! – Гордый схватил Бакстера за куртку на груди и рывком притянул к себе, со злостью глядя в глаза мальчишки. – Мы – послы Серых гор, и я не собираюсь ронять честь правителей Твердыни! Мы не нищие, приползшие просить подачку! Мы пришли, чтобы купить зерна и заплатить за него чистым золотом. И я не позволю, чтобы над нами смеялись от моря до гор!

Бакстер молчал. Гордый отпустил мальчишку. Лорелея в упор смотрела на них. Ворон скривил губы, готовясь сцепиться с ней, но наемница не проронила ни слова.

Чтобы устроиться на ночлег, потребовалось немало времени. Гордый лично проверял, где спит каждый из его воинов, всех ли накормили, позаботились ли о лошадях. Все оказалось как в сказке про волшебный замок. Горцев разместили в просторных теплых комнатах с удобными ложами, еда была сытная и обильная, расторопные слуги чистили коней, а хозяин постоялого двора явился к лорду Ворону засвидетельствовать свое почтение.

Гордому отвели роскошные комнаты в главном гостевом доме. Рядом поселилась Лоре-
лея.

Бакстер пробубнил что-то насчет «нежных столичных задниц» и остался жить с воинами. Судя по взглядам горцев, того же они ожидали и от Гордого, но тот решил, что не стоит ронять свое достоинство в глазах сенхиолов и остался в отведенных покаях.

Перед сном Гордый выкупался в огромной деревянной лохани, куда слуги натаскали горячей воды. Оттирая кожу душистым мылом, промывая слипшиеся от пота волосы, Ворон постанывал от блаженства и думал о том, что все идет прекрасно и поездка не такая уж плохая затея.

Глава 11

Красному снился сон: он боролся с человеком или, может быть, зверем. У того были злые человеческие глаза, мохнатая шкура, чудовищной силы мускулы и тяжелое дыхание, воняющее сырым мясом. Красный пытался спихнуть монстра с себя, чтобы ухватить хоть немного воздуха. Наконец, ему это удалось. Красный встал на ноги и осмотрелся: он стоял на болоте посреди густого леса. Вокруг сгустился туман.

Из этого тумана вдруг проявилась исполинская фигура человека с конской головой. Красный почувствовал, как тело от ужаса скручивает судорогой. Человек- конь прижал уши и выбросил вперед руку, указывая на Ворона пальцем с острым черным когтем. Красный почувствовал, что больше не может дышать. Он схватился за горло, захрипел, раздирая кожу в кровь, и проснулся. Сел на своей походной постели, тяжело переводя дух и растирая шею.

Оказалось, он разодрал ее ногтями не только во сне. Спать больше не хотелось. Красный встал, зачерпнул воды из бадейки и вышел на воздух.

Рассвет натекал на холмы сырым туманом. Небо медленно меняло цвет. Караульные у костров уже сменились – они хлопотали над котлами. Красного встретили угрюмыми взглядами исподлобья и неприветливым ворчанием.

Ежась от сырости, Ворон взял себе миску горячей похлебки, завернулся в плащ и сел за трапезу. Он давно заметил, что его выносливость и умение легко переносить походные тяготы вызывают в воинах уважение, и старался, чтобы уважение это не ослабевало. Впервые в жизни Красный про себя благодарил судьбу за то, что родился в суровых Серых горах, и Дикого – за то, что таскал его за собой в лес на охоту. Красный, правда, вечно ныл и жаловался, втайне мечтая перебраться в столицу – поближе к трону и красивой жизни, но на поверку оказалось, что Пятый Ворон вырос совсем не таким неженкой, каким сам себе казался.

Кулен вышел из своего шатра, когда уже совсем рассвело. Вокруг глаз у него наметились густые тени. Королю Приморья поход давался куда тяжелей, чем Красному. Кашляя и кутаясь в плащ, Кулен уселся за свой личный стол и начал вяло ковыряться в тарелке. Толком ничего не съев, он выпил бокал подогретого вина со специями и велел выдвигаться.

На вершину кургана все шли пешком – только Кулен взобрался на одну из выючных лошадей. Подъем давался тяжело. Мокрые от мороси камни разбегались из-под ног. Двое воинов повредили ноги, одна из выючных лошадей упала боком, выломав колено, и ее пришлось прирезать. Небо обложили зловещие серые тучи, и настроение у участников похода становилось все хуже и хуже. Кулен велел запеть, но песня не задалась.

На середине подъема Кулен велел всем остановиться. Он слез с седла и начал мерить шагами насыпь, беспокойно смотря по сторонам, кусая губы и то и дело оглядываясь на Красного. Тот не выдержал и подошел к королю.

– Что?

– Я полагаю, копать стоит примерно здесь, – неуверенно пробормотал Кулен. – В одной из песен говорится, что Кондлу похоронили лицом к морю. То есть дверь в курган должна быть с этой стороны холма. И, если рассуждать здраво, посередине. Где-то тут. А ты что думаешь?

Взгляд у Кулена был жалким. Красный видел, что он уже едва держится. Сомнения и страхи навалились на несчастного короля – в трудную минуту он остался совсем без поддержки. Красный положил ему руку на плечо:

– Да, ты прав. Насыпай я курган, я бы тоже тут дверь сделал. Погоди-ка...

Красный почувствовал странное волнение – как будто из груди у него выходила невидимая нить, и кто-то настойчиво дергал за нее, тянул Ворона за собой. Красный прошел по холму, прикрыв глаза. Беззвучный зов заполнил все его существо, Красный почти ощущал его кожей.

Красный на мгновение представил себе, что стоит ровно над дверью. И как будто *увидел* холм изнутри. Увидел, как под толстым настилом из прогнивших бревен в толщу кургана уходит осыпавшийся коридор, как этот коридор упирается в железную дверь, за которой – огромное пространство, где...

Красный вздрогнул и провел ладонью по лицу. Обернулся на Кулена. Притопнул ногой.
– Думаю, копать надо здесь.

Работа поначалу шла медленно. Красный видел, что люди совсем пали духом, и взял руководство на себя. Даже первым ударил лопатой в слежавшийся грунт. Кулен безучастно сидел на бревне и смотрел куда-то на море. Глаза у него запали, нос заострился.

Мало-помалу азарт Красного начал передаваться воинам, и дело пошло живее. А спустя несколько часов раздался громкий радостный крик – лопата первого землекопа ударилась о дерево.

Красный упал на колени, разгребая руками землю. Пальцы чувствовали дерево – сомнений не было, перед ними лежал первый настил, закрывающий проход в сердце кургана.

– Нашли! – гаркнул Красный, вскакивая на ноги. – Мы нашли вход!

Кулен только слабо улыбнулся в ответ. Ворон остановил работы и велел всем иди обедать. Быстро темнело, и копать становилось опасно.

* * *

С расчисткой деревянного наката провозились почти три дня. Когда они подняли почерневшие сырые стволы, в ноздри ударила такая непереносимая вонь, что пришлось бежать прочь и целые сутки ждать, пока она выветрится. Под бревнами обнаружился темный полуобвалившийся проход в глубь кургана. Из него несло сыростью и землей, как из погреба.

Пламя факелов плясало на ветру, потрескивая и разбрасывая веселые искры. Воины с опаской смотрели в темную дыру. Кулен, бледный, словно покойник, стоял перед ней, опоясанный веревкой. Он собирался первым спуститься вниз и разведать обстановку. Красный стоял рядом и кусал ноготь на большом пальце – эта дурная привычка появилась у него недавно. Он просился спуститься первым – незримая нить в груди дрожала, тащила за собой во мрак подземелья. Но Кулен уперся и заявил, что первым пойдет сам.

Королю Приморья дали факел и начали медленно спускаться на веревке вниз. Красный заглянул внутрь – на него смотрело бледное запрокинутое лицо Кулена с испуганными потемневшими глазами. Постепенно оно исчезло во мраке.

Из дыры доносились смутные глухие звуки. На склоне кургана царил тишина – все в застывшем молчании смотрели на мрачную дыру, в которой скрылся король. Напряжение росло, и Красный почувствовал, как у него встают дыбом волосы на руках и загривке.

Вдруг веревка ожила – дернулась один раз, второй. Сигнал! Сильные руки ухватили ее и потащили вверх. И-и-раз! И-и-раз! Показался Кулен – он мешком висел в петле. Когда короля подтянули выше, стало видно перекошенное лицо и закрытые глаза.

Встав на колени, Красный подхватил Кулена. Он вытащил короля на воздух, высвободил из веревки и наклонился над ним. Кулен тяжело дышал, волосы у него были перепачканы землей, губы запеклись. Наконец, король открыл мутные глаза. Увидел Красного Ворона. Узнал. Взгляд стал осмысленным, живым.

– Ты, – прошептал Кулен, стискивая руку Красного. – Это золото можешь взять ты... – и потерял сознание.

Красный поднял голову – на него смотрели все. В глазах воинов Красный увидел ужас. Он понял, что сейчас весь отряд может броситься прочь от проклятого кургана. Напряжение, словно тетива, достигло того предела, когда могло только оборваться, но не длиться дольше.

Красный встал с колен.

– Я спущусь вниз, – сказал он, властным тоном пресекая все возможные возражения. – Отнесите короля в лагерь. Он, видимо, открыл дверь и потерял сознание от спертого воздуха. А остальные помогите мне.

Кулена унесли на плаще, а Красный обвязался веревкой, взял факел и начал спускаться. Болтаться мешком не хотелось, и он скользил вдоль стены, отталкиваясь ногами. Меч на боку придавал какую-то уверенность, и Красный невольно стискивал его рукоять, хотя чем мог помочь меч в жуткой могиле, населенной призраками?

Ноги коснулись твердой земли. Красный высоко поднял факел и осмотрелся. Вокруг толстые, в два обхвата, бревна подпирали потолок. Стены осыпались, воняло мертвечиной. Красный замотал лицо шарфом. Пришлось закрыть глаза и выровнять дыхание, чтобы его не вывернуло наизнанку.

Факел от недостатка воздуха горел плохо, норовя погаснуть. Красный двинулся вперед, поражаясь ширине прохода. Впереди показалась тяжелая железная дверь, покрытая замысловатым узором. Красный вздрогнул, различив фигуру посередине. Над склонившимися карликами возвышался конеголовый исполин. Над ним горели звезды, а рукой он указывал прямо перед собой. На Красного Ворона. Тот понял этот жест: «Стой! Ни шагу!»

Красный остановился и увидел, что дверь чуть сдвинута. Видимо, Кулен пытался ее открыть, но не хватило сил или что-то помешало. По спине Ворона потек ледяной пот, виски взмокли. Кто знает, *что* воспротивилось королю по ту сторону? Но он решительно шагнул вперед, воткнул факел между бревном опоры и стеной, ухватился обеими руками за дверь и рванул на себя.

Она поддавалась медленно, неохотно, и на Красного словнодохнул великан – затхлый воздух ударил в лицо, сквозняк скользнул по коже ледяными пальцами. Красный, надрываясь, оттянул дверь так, чтобы можно было протиснуться внутрь, взял факел и шагнул в гробницу.

Тусклые отсветы заскользили по стенам. Красный увидел сундуки – много, много сундуков, стоящих посередине просторного помещения, обложенного бревнами. Ворон почувствовал, как к голове приливает кровь, как дрожат от азарта руки. Он взялся за ручку одного из сундуков и распахнул крышку. В глаза ударил тусклый блеск золота.

Красный вытер трясущейся рукой пот со лба и принялся вскрывать сундуки один за другим. Одежда из дорогих тканей, местами заплесневевшая, местами прекрасно сохранившаяся, кубки, мечи, боевые топоры, охотничьи и боевые рога, кинжалы, связки золотых и серебряных колец, монеты – сокровищам не было конца.

Легенды не ввали – Кондла унес с собой под землю такое состояние, что не снилось ни одному ныне здравствующему королю. Даже с учетом того, что многое испортилось, этого золота хватит, чтобы купить армию. Причем не одну.

Красный выпрямился и только тут понял, что подошел почти вплотную к возвышению в центре гробницы. Во рту пересохло, а горло словно стиснули чьи-то жесткие цепкие пальцы. На возвышении лежал громадный скелет в боевых доспехах. На груди его покоились огромный боевой рог, окованный серебром, и тяжелый меч, какой не под силу было бы поднять и двоим воинам. Длинные косы обвивали скелет с головы до ног – поседевшие, спутанные, иссохшие, мертвые волосы заполнили собой все возвышение, словно после гибели человека они продолжали жить своей собственной жизнью, расти вопреки смерти. Красного заколотило от страха.

Но хуже всего было то, что вокруг возвышения грудой лежали обтянутые остатками кожи скелеты собак, конские туши, и – человеческие останки. Красный слепыми от ужаса глазами взирал на десяток мумий, облаченных в когда-то роскошные женские одеяния. Дорогая серебряная вышивка, нашитые драгоценные камни тускло блестели в отсветах пламени. Король Кондла ушел не один, с ним похоронили не только его золото, но и живое имущество: охотничьих псов, боевых коней, прекрасных наложниц и верных слуг. Да, в ногах исполинского скелета грудой закованных в кольчуги костей лежали остовы воинов. Ворон отступил на шаг к

двери, зловещий покой могильника показался ему невыносимым, тишина заложила уши, легким не хватало воздуха.

Но блеск золота в распахнутых сундуках снова завладел им. Для Красного это не был мертвый блеск, а надежда на жизнь. Живые отчаянно нуждались в сокровище мертвых.

– Король Кондла! – воззвал Красный, и голос его прозвучал в пустоте могильника неожиданно гулко и громко. – Я, Красный Ворон, сын Аодха Ворона из Твердыни Воронов, что стоит в Серых горах, пришел к тебе в час жестокой нужды. Мне нужно твое золото – враги пришли в Таумрат, кровь короля окрасила их мечи, а улицы залила кровь жителей. Лугайд одержал победу, и только твое золото может нас спасти. Зачем оно тебе? Твоя слава и страх перед твоим именем крепче каменных стен и дороже сокровищ. Твое имя переживет этот курган и клад. Дозволь мне забрать его, чтобы спасти нашу землю! Ту, которой ты правил столько лет! Иначе наш род сгинет, и твое имя вместе с ним!

Красный замолчал, и на него навалилась непереносимая духота. В глазах потемнело, грудь стиснуло. Задышавшись, Ворон увидел, как меркнет свет факела. Сквозь шум в ушах до него словно бы долетел зловещий шепот – едва различимый, жуткий, вынимающий душу из тела. Бестелесный голос шептал о том, как люди и звери танцуют на горных плато единый танец, поклоняясь единому владыке, как мертвые следят за судьбами живых и как золото ценится по обе стороны этого мира.

В полубреду Красный ощутил, как ломается его хребет, причудливо изгибаясь на манер конской спины, как волосы свиваются в густую гриву, а рот рвется, вытягиваясь. Ему стало страшно, как никогда в жизни, и на мгновение показалось, будто он сам умер, а голос все продолжал шипеть в его ушах о том, что за все нужно платить, а за золото мертвых живые платят горячей яркой кровью.

Красный упал на четвереньки, слепо нащупывая выход, и пятясь выбрался из могильника. Уперся лбом в холодную земляную стену, едва переводя дыхание. Рот дергало, язык залила кровь. С трудом придя в себя, Красный дернул веревку. Его поволокло вперед. Ворон обернулся на вход и вздрогнул. Дверь осталась открытой, и человек- конь на ней уже не преграждал жестом дорогу, а манил рукой: «Войди!»

Глава 12

Ильди выгнулась, подгоняя. Мужчина коротко застонал и стиснул ее так, что стало тяжело дышать. Ильди поморщилась, подождала, пока он замрет, а потом бесцеремонно спихнула его с себя. Мужчина попытался ее обнять, но получил тычок локтем под ребра.

– Неласковая ты, – проворчал он.

– Ласковые шлюхи, – отрезала Ильди. – А я – наемница. Хочешь нежностей, неси свои монеты и пипиську в дом веселья, Керн. Если они у тебя еще остались.

– С монетами не очень, – вздохнул Керн.

– Тогда радуйся, что потрахался бесплатно, и не мешай мне думать, – огрызнулась Ильди.

– Может, у меня к тебе любовь, – обиделся Керн. – А ты – вот так. О чем тебе думать?

– О том, что мы тут скоро начнем подрабатывать рубкой дров, пока другие наемники будут грести золото в Приморье, – процедила Ильди.

Она лежала на спине, раскинув руки и ноги, не смущаясь своего обнаженного тела, и скрипела зубами от злости. Керн, кряжистый здоровенный мужик с неровно обкорнанными волосами и густой порослью на груди, приподнялся на локте и нахмурился.

– Золото Приморья – просто слухи.

– Да? – резко обернулась на него Ильди. – Слухи? А откуда, по-твоему, берутся эти слухи? А? Почему, по-твоему, в сторону Приморья едут конные рыцари в драных портках и пешком ковыляют парни, у которых в карманах гуляет ветер, но зато на поясе висит несколько футов доброй стали?

Керн не ответил.

– Скоро все наемники Севера, Запада и Юга сбегутся в Приморье и озолотятся на крови, – зашипела Ильди, тоже приподнимаясь на локте. – А мы будем тут жевать сухие корки в угоду сумасшедшему пьянице Куланну и жирдяю Лютвину. Они огребли себе поболее других и теперь батрачат на Бреса, наплевав на нужды вольных воинов! Они нарушили вольный договор! А вы все терпите, тупые болваны!

Керн жевал губу, глядя в злые глаза Ильди.

– Ты думаешь, Лютвин и Куланн продали нас Бресу? – спросил он, потеряв густую бороду.

– Я не думаю, я знаю! – подалась к нему Ильди, и ее красивая грудь лихо качнулась. – Я ходила к ним и говорила о золоте Приморья, а они сказали, что не нарушат слово, данное Бресу! Как будто мы уже не отработали свое в битве с Эннобаром и при штурме Таумрата. Стены и мостовые этого клятого города политы нашей кровью! Мы свое отработали! И вольны идти куда угодно и биться за того, кто платит звонким золотом! Мы не армия Лугайда, мы – вольные воины!

Керн сжал ее грудь в горсти, глаза у него зажглись нехорошим огнем.

– Куланн, конечно, настоящий мужик, а Лютвин – голова, да и бойцы они оба не рядовые, – хрипло произнес он. – Но мы им на верность не присягали. Если они решили нас кинуть, мы можем кинуть их первыми. Надо только момент подгадать.

Ильди рассмеялась и повисла у любовника на шее. Они страстно поцеловались, и Керн снова подмял ее под себя.

* * *

Куланн сидел в таверне за столом игроков в кости, но сам не играл, лишь лениво наблюдал из-под полуприкрытых век, как кубики с нарезанными на боках точками скачут по столу, и пил густой темный эль. Сверху доносились женский визг и пьяные крики.

– Куланн, ты и кости не кидаешь, и к девкам не ходишь, что ты тут делаешь вообще? – со смехом спросил один из игроков.

Куланн улыбнулся и пожал своими необъятными плечами.

– Пью, – показал он свою кружку. – Пока эль бесплатно не наливают, буду приходить и платить. За девок смысла платить не вижу. Зачем платить за то, что можно получить даром?

Дружный хохот был ему ответом.

– Так бесплатно еще дороже выходит – подарки дари, а то и в храм ее веди, клятвы давай, – выкрикнул кто-то. – Для этого есть замужние, – ухмыльнулся Куланн, отпивая эля. – Эти сами подарками завалят.

Все сидевшие за столами мужчины покатались со смеху, и отдельные прибаутки потонули в общем гуле. Куланн усмехнулся, поманил подавальщицу, постучав пальцем по опустевшей кружке, а потом опустил взгляд в стол и задумался, прикрыв глаза. И не сразу заметил, что шум вокруг поутих.

Почувствовав, что кто-то остановился над ним, Куланн поднял голову, думая, что это подавальщица. Но это оказалась женщина в плотном плаще, на котором осела сырость ночи. Куланн выпрямился, недоуменно глядя на незнакомку. Тут она скинула капюшон, и он сразу же узнал Эйтли. Испуганная девушка смотрела на него жалким взглядом. – Эй, малышка, – удивился Куланн. – Что случилось? К тебе опять пристает этот подонок?

– Нет, – едва смогла ответить Эйтли, косясь по сторонам.

Наемники бросали на нее любопытные взгляды, некоторые, не стесняясь, хохотали и отпускали грубые шутки. – Что ж ты тут делаешь? – спросил Куланн.

– Я... – Эйтли перебирала дрожащими пальцами складки своего плаща. – Вы были так добры... Я хотела вас отблагодарить... Вы меня спасли...

– Ха-ха-ха, гляди-ка, действительно сами все отдать готовы, – повалился от смеха на стол один из игроков.

– погоди ты, – отмахнулся Куланн. – Малышка, мне очень приятно, но, знаешь, не стоит. Мне это не составило труда. И я ничего не жду от тебя взамен. Как от женщины в том числе.

– Мне это тоже ничего не стоит, – Эйтли вдруг выпрямилась, смело глядя наемнику в глаза. – Наоборот, это доставит мне удовольствие.

У Куланна округлились глаза, но он не успел ничего возразить – девушка откинула голову назад и запела.

Сначала ее голос терялся в гаме таверны, но постепенно зазвенел, набрал силу и заглушил все прочие звуки. Эйтли пела народную песенку Лугайда – про двух девушек, что собираются потанцевать у костров и гадают, не замерзнут ли они.

Все вокруг замолчали. Только чистый полновзвучный голос Эйтли выпевал слова, играя незатейливой мелодией. Многие мужчины прикрыли глаза. Куланн слушал девушку, замерев. Когда в зал вылетела подавальщица, ее мигом перехватили, силком усадили на лавку и шикнули.

Эйтли пела, закрыв глаза, и голос ее очаровывал, покорял, открывал сердца навстречу нежности и сладким слезам о покинутом доме. У сурового бородатого наемника с изрубленным лицом по изуродованной шрамом щеке скатилась слеза.

Голос задрожал, словно натянутая струна, сошел на нет и смолк. Несколько мгновений стояла тишина, а потом ее разорвали вопли восторга и дружные хлопки.

Эйнли открыла глаза, вся красная от смущения и собственной отваги.

– Малышка, – медленно произнес Куланн. – Ты не представляешь, какой дорогой подарок нам всем сделала! Слушал бы и слушал. Не бойся, я провожу тебя обратно во дворец.

– Я могла бы приходить суда по вечерам и петь вам, – робко предложила Эйнли. – Если разрешит лорд-распорядитель. Я сейчас не пою в замке – некому. А мне очень хотелось бы...

– Я поговорю с Брайеном, – Куланн поднялся с места. – А сейчас, малышка, вставай вот сюда, на эту лавку и спой нам еще что-нибудь. Эй, там! Принесите малышке вина. У нее, небось, в горле пересохло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.